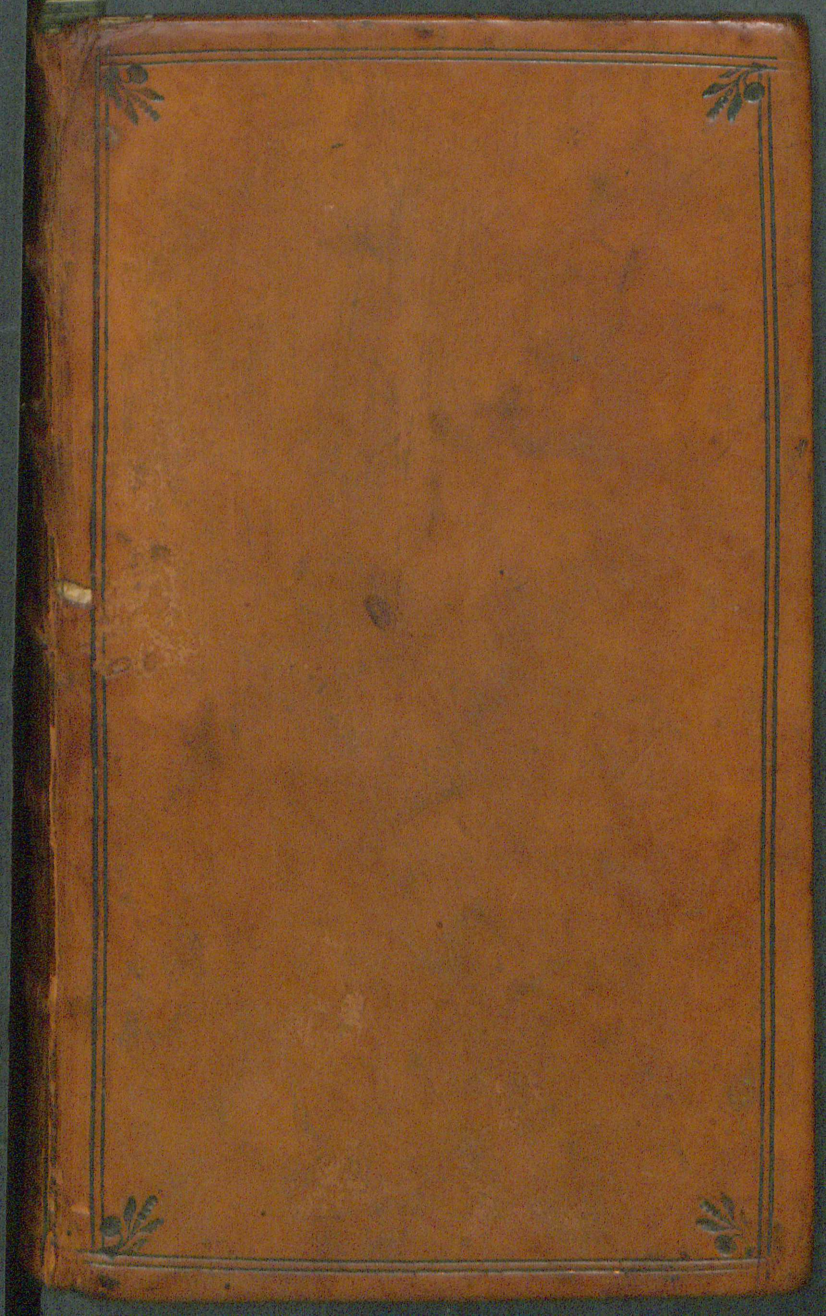

ИЗЪ КНИГЪ ГРАФА СЕРГІЯ ДМИТРІЕВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА
DEUS CONSERVAT OMNIA
ШКАФЪ III ПОЛКА IV № 455.

ТЫСЯЧА
И
ОДНА
ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА,
ПОВѢСТИ
ТАТАРСКІЯ,

Часть вторая

Переведены

съ

Французскаго.

Печатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,
1765. года.

ТЫСЯЧА
И
ОДНА
ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА,
ПОВѢСТИ ТАТАРСКІЯ.

ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Забудь, государыня моя, говорилъ Жеогна Гюхюллеру, забудь смерть вашего супруга, которая ужѐ довольно отмщена; пусть Абузаидъ и Дижара

будутъ между вами союзомъ вѣчнаго мира, и обратите сїе мѣсто баталїи на пиръ брачной. Гюхюллеру столько сперьва испугалась, увидя страшнаго Жеонга, что едва могла выслушать его рѣчи; но Абузаидъ, прельстясь ея красотою, и бросясь къ ея ногамъ, говорилъ ей съ великою униженностїю: склонись, государыня моя, на мое прошенїе, я наищастливѣйшимъ себя почту изъ всѣхъ смертныхъ, естьли мои старанїя, мое почтенїе и наигорячнѣйшая любовь могутъ со временемъ склонить ваше сердце, чтобъ отдать мнѣ мѣсто того государя, которой по справедливости заслужилъ толикой вашей печали.

Гюхюллеру въ тотъ часъ на оныя слова преклонилась, продолжалъ Бадуръ, и Абузаида подняла; а

а Дижара будучи тронута чувствительнѣйшими выраженїями Принца Кїагїа дала ему знать, что, когда я соглашусь на сей бракъ, она тому противиться не будетъ.

Потомъ духъ приказавъ симъ четыремъ новымъ любовникамъ, и всей ихъ свитѣ ухватиться за его платье, перенесъ ихъ во мгновенїе ока въ мой дворецъ; гдѣ царева Нанганская, препроводивъ по благопристойности нѣсколько времени въ своемъ вдовствѣ, вышла за Абузаида, и въ тотъ же день Кїагїа сочетался бракомъ съ Принцессою, моею дочерью.

Сей двойной бракъ возвратилъ спокойствїе въ моемъ сердцѣ, и я столько радовался, видя возстановленную тишину въ моей фамилїи, что опасаясь, дабы покой мой не нарушился опять ка-

кимъ либо случаемъ, вознамѣрился я съ царевой, моею супругою, удалиться въ загородной сей домъ, построенной сильнымъ Жеонгомъ, гдѣ избавившись несноснаго величества, и подъ покровительствомъ сего царя духовъ, которой скрывается нынѣ въ нѣкоторомъ невидимомъ островѣ, пока не найдетъ удобнаго случая отмстить злому Зелулу, наслаждаемся мы спокойною и прiятною жизнiю.

ПРОДОЛЖЕНIЕ ПОВѢСТИ
о Шерефъ-Эльдинѣ и Гюльгинди.

Ночь ужѐ была около половины, продолжалъ бенъ-Эридунъ, и бадуръ, по окончанiи своей исторiи, видя, что его гостямъ нуженъ былъ покой, отвелъ ихъ каждаго въ особливую комнату. Та, которая доста-

досталась настоящей Гюльгинди, была убрана весьма чисто, и украшена картинами работы нѣкотораго Индѣйца, равнаго въ достоинствѣ славному (*) Манїю. Сей Индѣецъ столь искусенъ былъ въ своемъ художествѣ и въ изображенїи цвѣтовъ и тѣней, что онъ могъ бы кистью своею изобразить самой воздухъ, и дыханїе животныхъ тварей. На одной изъ сихъ картинъ написана была торжественная огненная колесница, на которой сидѣлъ маленькой мальчикъ, имѣющей на головѣ вѣнецъ, и лице сїяющее лучами, которое придавало ему величественной видъ; рýки его наполнены были огненными стрѣлами, за плечами имѣлъ онъ калчанъ и на бедрѣ саблю,

(*) Мани былъ славной Китайской живописецъ, о которомъ весьма часто упоминается въ восточныхъ книгахъ.

и тащилъ за собою прикованныхъ къ своей колесницѣ превеликое множество всякаго возраста людей обоего пола и разныхъ званій, на лицахъ которыхъ и во всѣхъ ихъ движеніяхъ видимы были наижесточайшія страсти.

Сей славной живописецъ, по справедливости сказать можно, все свое искусство употребилъ надъ оною картиною, и изображенные по угламъ оной вѣтры столь живо написаны были, что казалось, можно было видѣть глазами, какъ воздерживались они дуть, чтобъ не умножить еще пламени разсѣяннаго по сей картинѣ.

Гюльгинди, смотрѣвъ на оную, воздыхала и притомъ стыдилась; и невзначай взглянувъ на другую, увидѣла слѣдующую надпись: „ Кока, воспламеняся беззаконною лю-

„ бовїю,

„ бовїю, влюбилась въ брата своего
„ Цина, однако прелестьми своими
„ не могла его преклонить къ без-
„ законїю ; чѣмъ стремительнѣе
„ отъ нея онъ убѣгалъ, тѣмъ го-
„ рячѣе она за нимъ слѣдовала :
„ но видя гоненїе свое безполез-
„ нымъ, бросилась она съ печали
„ въ воду, и (*) Вихну на нея
„ сжалясь, превратилъ ея въ источ-
„ никъ, въ которомъ беззаконная
„ любовь пламень свой утушила „.

Сїя живопись изображена была весьма искусно и нѣжно : но сколь жива она ни была, однако Принцесса на оную не долго смотрѣла. Она увидѣла другую гораздо важнѣйшую въ разсужденїи тогдашнего ея состоянїя. Сїя картина представляла Форку и Онаму ;

(*) Вихну или Рамъ, есть одинъ изъ первѣйшихъ боговъ Индѣйскихъ.

Гюльгинди читавъ со вниманіемъ ихъ похожденія, и мучась различными печальными воображеніями, съ горестію вскричала: справедливое небо! сносно ли ето, что все представляющееся моимъ глазамъ питало страсть, которой слѣдствіе имѣетъ быть печальное. Я люблю, да ково люблю, равномѣрную мнѣ дѣвицу, и сіе то непреоборимое препятствіе любовь мою умножаетъ! Ахъ! нещастная Принцесса, ты имѣешь желанія законныя, и любишь только то, что женщина любить можетъ непорочно; ибо сама натура противится безрасудной твоей горячности. Но вдругъ опять сама себѣ противорѣча говорила, представляющейся моимъ глазамъ примѣръ Форки, не можетъ ли успокоить меня въ моемъ смущеніи? Для чего бы чувствовала я такую необыкновенную страсть,

страсть, естьли бы равномѣрнаго чуда не могло здѣлаться и со мною? Форка была прекрасная дѣвица, и Вихну, котораго просила она о помощи, тотчасъ превратилъ ея въ прекраснѣйшаго молодца: ахъ! я заблуждаюсь, продолжала она, удалимся отъ сего любезнаго предмета: сїе одно только излеченїе моей болѣзни: на что убѣгать, думала она, опять тотчасъ? Какое въ томъ есть зло, чтобъ любить Тюлюфанскую Принцессу? нѣтъ, нѣтъ, не должно искать беззаконїя, гдѣ его быть не можетъ; и я буду поступать во всѣмъ по должности дѣйствующаго лица, которое нынѣ принуждена я представлять.

Гюльгинди всю почти ночь препроводила въ сихъ размышленїяхъ, и вставши на самомъ разсвѣтѣ,

свѣтъ, сошла она въ садъ, чтобъ разгулять свои безпокойства. Она увидѣла створенную калитку, здѣланную къ лѣсу, въ которой она пошла, и удаляясь нечувствительно, въ задумчивости своей дошла она до весьма густаго лѣсу, тамъ сѣла, и утомясь, не спавши цѣлую ночь, заснула она весьма крѣпко.

Шерефъ-Эльдинъ мучимъ былъ равномѣрною же страстїю; ночь ему показалась чрезвычайно долга, и едва лишъ заря заниматься стала, вскочилъ онъ съ своей постели, на которую бросился онъ ввечеру во всемъ платьѣ, взялъ свой лукъ и стрѣлы, и прошедши изъ саду въ лѣсъ, попалъ онъ нечаянно на ту же дорогу, по которой Гюльгинди шла, и идучи весьма скоро, услышалъ онъ въ сторонѣ маленькой шумъ; онъ подошелъ

туда

туда поближе, и видя, что листья шевелились, подумалъ онъ, что тутъ конечно лежитъ какой нибудь дикой звѣрь, и пустилъ на удачу изъ-лука одну стрѣлу.

ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Шерефъ-Эльдинъ чрезвычайно изумился, продолжалъ бенъ-Эридунъ, услышавъ жалостной человѣческой крикъ, котораго голосъ ему знакомъ былъ; сердце его восстрепетало отъ чувствительнѣйшей печали; онъ тотчасъ побѣжалъ къ тому мѣсту, и увидѣлъ, что онъ ранилъ того, которой избавилъ его отъ великана.

Въ какое отчаянїе и ужасъ пришелъ тогда Принцъ, видя своего избавителя всего въ крови! Гла-

за̀ его столько помутились, что онъ не могъ хорошенько расмотрѣть раны, откуда оная кровь текла; проклятой лукъ, вскричалъ онъ, проклятая стрѣла, или лучше сказать, нещастной Принцъ! Умри за такое твое злодѣйство! Выговоря сїи послѣднїя слова̀, Шерефъ-Эльдинъ хотѣлъ было пронзить себя въ сердце стрѣлою, какъ услышалъ, что другъ его еще дыханїе имѣлъ. Онъ тотчасъ оставилъ намѣренїе себя умертвить, чтобъ спасти столь драгоцѣнные ему дни; онъ бросился къ нему со слезами, и хотѣлъ остановить кровь текущую изъ раны, которая была на грудѝ: но вдругъ сталъ неподвиженъ увидя, что ранилъ дѣвицу: и узнавъ сїе, едва было съ печали не умеръ: О небо! говорилъ онъ съ наполненными глазами слезъ, возможно ли, чтобъ

пла-

плачевной такой случай открылъ мнѣ наипрекраснѣйшую въ свѣтѣ дѣвицу: но исправимъ, естьли можно, мою погрѣшность. Тогда отодравъ кисеи отъ Гюльгиндиной чалмы, остановилъ, сколько можно было, кровъ, которая весьма сильно изъ раны текла; потóмъ тщетно онъ старался привести въ чувство сїю Принцессу; она нималѣйшаго знака жизни въ себѣ не имѣла. Но какъ не подалеку оттуда былъ ручеекъ, то онъ побѣжалъ къ оному, и почерпнувъ воды̀ въ Принцессину чалму, увидѣлъ ея вдругъ въ рукахъ престрашнаго человѣка.

Шерефъ-Эльдинъ, увидя сїе, тотчасъ обнажилъ саблю, и хотѣлъ было съ симъ чудовищемъ сразиться, которой часъ отъ часу увеличивался, какъ онъ закричалъ ему преужаснымъ голосомъ: Постой,

стой, молодой смѣльчакъ, естьли ты не хочешь быть самъ причиною смерти сей Принцессы, которой я тотчасъ отверну голову, когда ты хотя тронешся. Ахъ! варваръ вскричалъ Принцъ, какъ умѣешь ты пользоваться нѣжнымъ моимъ страхомъ; а безъ того лишилъ бы я тебя живота, или бъ самъ погибнулъ славно помогаючи божественной особѣ, которую ты у меня безсовѣстно похищаешь. Я мало опасаюсь твоихъ угрозъ, отвѣчалъ похититель, знай, что меня зовутъ Зелулу, и что я одинъ изъ сильнѣйшихъ духовъ на землѣ; я еще при самомъ вашемъ рожденіи забавлялся нещастливою вашею жизнію; я перенесъ тебя въ колыбель Принцессы Тюлюфанской, а ея въ твою положилъ: вы бы благополучны были оба, когда бъ вы до семнатцати лѣтъ не знали другъ

про

про друга, ты же по нещастію до предписаннаго сроку узналъ полъ Принцессинъ, по чему она отдана въ мою власть, и ты не надѣйся больше ея видѣть во весь твой вѣкъ.

Зелулу похитивъ съ собою тогда Гюльгинди, оставилъ Принца въ такомъ жестокомъ отчаяніи, что не хотя пережить своего нещастія, хотѣлъ было онъ своею саблею пронзить свое сердце, какъ вдругъ оная у него выдернулась невидимою рукою.

Жеонга, которой безпрестанно примѣчалъ за злыми дѣлами Зелулу, и препятствовавъ имъ, сколько было возможно, думалъ, что ужѐ время помощь подáть Принцу Ормусскому: того ради обезоружилъ его въ самое то время,

какъ

какъ было онъ хотѣлъ умертвить себя; и представясь глазамъ его подъ образомъ почтеннаго старика, говорилъ ему: умягчи нѣсколько, Шерефъ-Эльдинъ, стремленіе твоихъ страстей, и употреби въ пользу добрые совѣты благосклоннаго къ тебѣ духа. Я присутствовалъ при вашемъ съ Принцессою рожденіи, и вознамѣрясь совокупить васъ вмѣстѣ, соединилъ васъ толь тѣсною дружбою, и вліялъ въ васъ толь скорую взаимную любовь; но какъ не могли вы оба избѣжать того, что написано на таблицѣ свѣтила, то ожидай терпѣливно того времени, которое опять тебя можетъ совокупить съ Принцессою, и повинуясь безъ роптанія небеснымъ соизволеніямъ, учини себя достойнымъ щасливаго жребія, которой, можетъ быть, для тебя готовится.

Принцъ

Принцъ сими словами нѣсколько утѣшился. Великомочной духъ, говорилъ онъ, бросясь къ ногамъ его, когда ужѐ должно повиноваться безъ роптанія, прошу по крайней мѣрѣ увѣдомить, что зделается со мною во ожиданіи благополучнаго сего времени. Чувствуешь ли въ себѣ Принцъ, отвѣчалъ духъ, столько смѣлости, чтобъ для спасенія твоей Принцессы не страшиться смерти? Сей одинъ только способъ, чтобъ прекратить твои нещастія, или славно умереть за нея. Ахъ! отвѣчалъ Шерефъ-Эльдинъ, возможно ли въ томъ сомнѣваться? Для полученія любезнѣйшей Гюльгинди я готовъ тысячу жизней жертвовать, и самая мучительнѣйшая смерть не можетъ меня отвратить отъ такого благороднаго намѣренія. Я дивлюсь твоей неустрашимости, отвѣчалъ

Жеоб-

Жеонга, дай мнѣ руку, ты тотчасъ удовольствованъ будешь. Принцъ подалъ ему руку, и духъ ударилъ ногою въ землю, которая вдругъ разсѣлась. Они оба опустились въ преужаснѣйшую бездну, и очутились въ пещерѣ, изъ которой выходъ былъ въ поле, украшенное много различными цвѣтами, а на ономъ проведена была палмовая алея къ великолѣпному дому, въ которой они вошли.

Для совершенїя принятаго мною намѣренїя, говорилъ тогда духъ Принцу Шерефъ-Эльдину, чтобъ возвратить тебѣ твою Принцессу, надлежитъ мнѣ опять брать верьхъ, которой я отъ природы имѣю надъ злымъ Зелулу, а того прежде мнѣ здѣлать не можно, пока не унесу у него искуснымъ образомъ перстня Саломонова, которой

безъ

безъ сомнѣнія сей злодѣй укралъ у добраго царя Зифа, къ сему же дѣлу надобенъ мнѣ такой Принцъ, какъ вы, которой бы безъ устрашимости шелъ на извѣстную почти смерть. Въ семъ же случаѣ надлежитъ поступить слѣдующимъ порядкомъ:

Въ островѣ Жилало на Индѣйскомъ морѣ есть одинъ ключъ, называемой *источникъ забвенія*, неизвѣстной всѣмъ смертнымъ: да не много и изъ мудрецовъ и духовъ, которые обстоятельно бъ знали, гдѣ сей источникъ; а хотя и знаютъ, да только употребленіе онаго имъ не извѣстно, въ чѣмъ и главнѣйшая сила состоитъ, ибо изъ самаго яду здѣлаться можетъ лекарство; а надобно знать мѣру, сколько должно дать выпить для приведенія въ память и для отнятія

оной. Сія вода подъ охраненіемъ одного духа именемъ Негорая, которой всѣхъ приближающихся къ оной убиваетъ безъ милосердія. Но какъ вся его власть зависитъ отъ меня, то онъ не откажетъ дать мнѣ оной воды сію скляночку, которой для совершенія моего намѣренія довольно будетъ. Теперь только въ томъ трудность состоитъ, какбы оной поднести выпить невѣрному Зелулу и ни одинъ изъ подчиненныхъ мнѣ духовъ не хотѣлъ принять на себя сей комисіи; столько то они трепещутъ отъ перстня Саломонова. Имѣешь ли въ себѣ, Принцъ, столько отважности, чтобъ вступить въ толь опасное дѣло; оное будетъ стоить твоей жизни, а можетъ быть, и Принцессиной также, когда Зелулу догадается, что ты хотѣлъ его обмануть; но ежели твоимъ

искус-

искусствомъ приведешь до того, чтобъ онъ сей забвенія воды выпилъ, то въ самой же тотъ часъ получишь Принцессу Тюлюфанскую.

Шерефъ-Эльдинъ, продолжалъ бенъ-Эридунъ, склонился на предложеніе Жеонгово безъ всякихъ дальныхъ размышленій, и сей духъ отведши его въ великолѣпной залъ, посадилъ его въ наполненной чанъ воды.

ТРЕТЬЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Принцъ, будучи въ водѣ около полу часа, увидѣлъ въ себѣ премѣну, которая его ужаснула. Онъ тотчасъ изъ воды выскочилъ и закрывшись тонкимъ полотномъ, закричалъ: ахъ! что ето значитъ новое

вое сїе превращенїе. Жеонга весьма тому захохотавъ говорилъ Принцу, которой тогда превращенъ былъ въ наипрекраснѣйшую въ свѣтѣ дѣвицу, и всѣ прежнїя черты лица̀ его со всѣмъ перемѣнились: что! ужѐ ты и тужишь, что далъ мнѣ обѣщанїе твое, и для перемѣны по̀ла, которой я тебѣ далъ на нѣсколько только времени. Хочешь ли отказаться отъ прекрасной Гюльгинди? Перестань, Принцъ, наблюдай только точно, что я тебѣ прикажу, послѣ того я опять тотчасъ возвращу тебѣ прежнее твое состоянїе.

Жеонга, милостивой государь, давши наставленїе Принцу, какъ ему поступать, когда онъ будетъ съ Зелулу, далъ ему воды̀ забвенїя, и перенесъ его почти во мгновенїе ока къ обыкновенному жилищу сего злаго духа. Зе-

Зелулу, которой въ разсужденіи Гюльгинди не всю свою власть употреблялъ, залечивъ ея рану однимъ духомъ, заперъ ея въ темную башню, и выхаживалъ только для сысканія себѣ новыхъ какихъ злодѣйствъ. Какъ нашелъ нечаянно на Шерефъ-Эльдина, которой лежа на травѣ притворялся наслаждаться глубокимъ сномъ, духъ посмотрѣвъ на него съ крайнею прилѣжностію самъ въ себѣ признался, что онъ никогда еще такой прекрасной дѣвицы не видывалъ: онъ влюбился въ него смертельно, и веселясь пріятнымъ воображеніемъ, сколь онъ щастливъ будетъ быть отъ нея любимымъ, взялъ на себя образъ двадцатилѣтняго молодца, столь же почти прекраснаго какъ и она, и перенесъ ея въ свои палаты, ожидая съ нетерпѣливостію, чтобъ

она пробудилась, дабы объявить ей мучительную страсть свою.

Шерефъ-Эльдинъ приготовясь ужѐ заранѣе къ сему явленїю, представлялъ дѣйствующее лице весьма изрядно. Сперьва притворялся онъ печальнымъ, проливалъ нѣсколько слезъ, и напослѣдокъ притворными несклонностями такъ возпламенилъ Зелулу, что сей Духъ, котораго страсть часъ отъ часу умножалась къ сему Принцу, котораго почиталъ онъ дѣвицѣю, напослѣдокъ ей открылъ, кто онъ таковъ; и хотѣлъ ея участницею здѣлать въ своей власти, естьли она преклонится на его любовь. Ложная Принцесса притворяясь, что ее такїя великїя обѣщанїя, и собственное Духа достоинство нѣсколько прельщаютъ, просили на размышленїе нѣсколько дней, и

Зелу-

Зелулу ослѣпленъ будучи своею страстїю, и не имѣя нималѣйшаго подозрѣнїя, чтобъ она искала его обмануть, вознамѣрился ожидать щастливаго сего часа, и до того времени дѣлать ей всякїя угодности и увеселенїя, которыя могли бъ ея склонить къ благодарности. Для начатїя своего намѣренїя велѣлъ онъ подать преизрядной завтракъ, и подносилъ ей наилучшаго вина, однако она не приняла, и сказала Духу, что она ничего непьетъ кромѣ одной воды, которую всегда носитъ съ собою, но что сїя вода такой прїятной вкусъ имѣетъ, которой и наилучшїе вины превосходитъ. Духъ тому удивлялся, позвольте мнѣ сударыня, говорилъ онъ, чтобъ я невѣроятное такое дѣло самъ испыталъ; извольте, отвѣчалъ Принцъ Ормусской; вы сами правду

мою увидите. Тогда наливъ въ золотой стаканъ сной воды сколько надобно было для отнятія памяти, поднесъ Зелулу, которой какъ лишъ скоро выпилъ, тотчасъ здѣлался какъ истуканной.

Шерефъ-Эльдинъ видя дѣйствіе сей воды, былъ съ радости внѣ себя, и дѣлалъ Духу такія пріятнѣйшія ласки, что сей прельстясь красотою мнимой дѣвицы, едва воздерживался на мѣстѣ, и всячески старался ея обнять, но она оттолкнувъ его съ тихостію говорила ему: что она прежде на его желанія не склонится, пока въ залогъ вѣчной любви не подаритъ онъ ей перстня, которой у него былъ на рукѣ.

Зелулу въ то время дѣйствіемъ выпитой имъ воды позабывъ,

сколь для него важно сохранить Саломоновъ перстень, котораго бъ цѣлой свѣтъ не въ силахъ былъ у него отнять сверхъ его воли, снялъ оной перстень съ своего пальца, и подарилъ новой своей любовницѣ. Какъ лишъ скоро она его въ руки свои получила, то наливъ ему другой стаканъ той же воды, но ужѐ столько, чтобъ привести его опять въ память, просила его оной выпить для нее, и обнадѣжила его, что какъ скоро онъ здѣлаетъ послѣдней сей знакъ своего угожденiя, то ужѐ она его воли больше противиться не будетъ.

Сколь мало вкуса Зелулу въ оной водѣ ни нашелъ, однако плѣненъ будучи столь сильно прекрасною сею дѣвицею, что ужѐ самъ собою больше не владѣлъ,

тотчасъ выпилъ и оной стаканъ: но въ какое же пришелъ онъ бѣшенство, съ минуту послѣ того, какъ Шерефъ-Эльдинъ пропалъ изъ его глазъ, какъ онъ увидѣлъ, что у него не было Саломонова перстня, и притомъ вспомнилъ, что онъ его отдалъ самъ добровольно одной женщинѣ, которой притворныя прелести столь жестоко его обманули. Онъ пришелъ тогда въ жесточайшее отчаянїе, и злословилъ вышнїя провидѣнїя, а между тѣмъ Жесянга получивъ отъ Шерефъ-Эльдина перстень въ тотъ же самой часъ престалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Зелулу немилостивно крушился о своемъ уронѣ. Хотя печать Саломонова, которую съ чрезвычайнымъ удивленїемъ увидѣлъ онъ, Жесянга должна бы его усмирить и принудить о прошенїи милости, но онъ отважился

ещe

еще ему противиться, и позабывъ то, что онъ здѣлался его царемъ, осмѣлился вступить съ нимъ въ сраженіе. Но Жеонга употребивъ тогда всю свою власть и безмѣрную силу, которую придавалъ ему божественной сей перстень, скоро оное сраженіе окончилъ; онъ негоднаго Зелулу уничтожилъ; и отнести Ормусскаго Принца въ свои полаты, возвратилъ ему первой его образъ, потомъ свободилъ прекрасную Гюльгинди изъ ея тюрьмы, и обѣихъ ихъ взявъ подъ пазухи, поставилъ ихъ во мгновеніе окавъ покояхъ царя Тюлюфанскаго.

Мохзадинъ и Риза, которые проливъ множество слезъ о потеряніи любезной своей дочери, думали ужè по предсказанію Жеонгову и никогда ея не видѣть, увидя ея такъ нечаянно, чуть было

отъ радости не умерли, духъ привелъ ихъ въ крайнее удивленіе, обьявя имъ въ какомъ они были по злодѣйству Зелулу невѣденіи, въ какой опасности находилась ихъ дочь, такъ какъ онъ предсказалъ имъ при самомъ ея рожденіи; какъ уничтожилъ онъ власть злаго сего духа, и приказалъ имъ немѣдленно совокупить Шерефъ-Эльдина и Гюльгинди святѣйшимъ союзомъ, по тому, что такое намѣреніе было у царя Ормусскаго.

Царь и царева Тюлюфанскіе, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, не хотѣли ни на минуту откладывать благополучія Принцова съ Принцессою; и сіи достойные супруги подъ покровителъствомъ великаго Жеонги препроводили остальные дни жизни своей въ совершенномъ согласіи, наслаждаясь по смерть

свою

свою не прерывнымъ благополучїемъ.

Бенъ-Эридунъ такимъ образомъ окончилъ похожденїя Шерефъ-Эльдина и Гюльгинди; и Астраханской царь сею его повѣстью доволенъ былъ. Однако желалъ бы я: говорилъ ему сей монархъ, чтобъ въ приключенїяхъ ихъ было, что нибудь по удивительнѣе; мнѣ кажется, что духъ Зелулу весьма удобно попался въ разставленную ему сѣть, и что Шерефъ-Эльдинъ безъ всякаго дальняго затрудненїя выманилъ у него Саломоновъ перстень. Милостивой государь, отвѣчалъ Бенъ-Эридунъ: сїя исторїя не моей выдумки, и я имѣлъ честь расказывать ея вашему величеству точно такъ, какъ читалъ въ нашихъ Арабскихъ сочиненїяхъ. Сверхъ того, любовь такая есть жестокая

 страсть,

страсть, и которая столько лишаетъ силы разума и самыхъ разумнѣйшихъ людей, что дѣлаетъ ихъ самыми простяками.

То правда, отвѣчалъ царь, и теперь я понимаю, что весьмабъ трудно было Гюльгиндію свободить изъ рукъ у Зелулу, естьлибъ не чрезъ слѣпую его страсть къ Шерефъ-Эльдину, которой въ образѣ былъ столь прекрасной дѣвицы. Сей духъ помощію печати Саломоновой могъ безопасенъ быть отъ всякихъ подлоговъ и кромѣ толь скоропостижной и горячей любви ни чемъ бы не можно онаго намѣренія исполнить; и сіе разсужденіе доказываетъ мнѣ, что весьма легко другихъ критиковать, а самимъ лучше ихъ здѣлать трудно бываетъ.

То правда, милостивой государь, отвѣчалъ Бенъ-Эридунъ: но какъ вашему величеству не весьма понравилосѣ окончанїе сей повѣсти; то я начну другую, и увѣренъ что оная вамъ гораздо понравится какъ веселыми такъ и странными приключенїями.

Никто еще столь много меня не забавлялъ, какъ ты, отвѣчалъ Астраханской царь; и такъ начинай оную повѣсть, а мнѣ еще осталось нѣсколько времяни тебя слушать. Бенъ-Эридунъ по воли своего государя началъ слѣдующими словами.

ПОВѢСТЬ
о трехъ горбунахъ, жителяхъ города Дамаса.

Во время правительства Калифа Ватикъ-биллага, внука Гаррунъ-Аррешида, жилъ въ городѣ Дамасѣ одинъ старикъ, именемъ бегемриллагъ, которой съ великою нуждою пропитанїе себѣ имѣлъ, дѣлая стальные луки, шпаги, сабли и ножи изъ тринатцати ребенковъ, которыхъ прижилъ онъ съ одною женою, десятеро умерло въ одинъ годъ, а оставшїеся трое, такой странной фигуры были, что не можно было безъ смѣху на нихъ глядѣть: они были горбаты съ зади и съ переди, кривы лѣвымъ глазомъ, хромы правою ногою, и столь между собою сходны были лицемъ, станомъ и въ платьѣ, которое они обыкновенно

оди-

одинакое нашивали, что часто отецъ и мать въ нихъ ошибались.

ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Изъ трехъ Бегемриллаговыхъ сыновей, продолжалъ свою рѣчь на другой день Бенъ-Эридунъ: старшей назывался Ибадъ, средней Сїагукъ, а меньшей Бабеканъ, и сїи три маленькїе горбуна, работая ежедневно въ своей лавкѣ, служили только посмѣшищамъ бѣгающимъ по улицамъ малымъ ребятамъ.

Въ одинъ день сынъ нѣкотораго богатаго купца именемъ Мурадъ, идучи съ гульбища съ нѣсколько молодыми людьми себѣ ровесниками, и будучи не много

 обык-

обыкновеннаго повеселяе, остановился у лавки трехъ горбатыхъ, и такъ жестоко ихъ раздразнилъ, что бабеканъ, работая въ то время ножевое лѣзвѣе, вышелъ изъ терпѣнія; онъ побѣжалъ за сими молодыми ребятами, и узнавъ изъ нихъ главнаго своего непрїятеля, прорѣзалъ ему брюхо, и видя, что погнался за нимъ народъ, убѣжалъ тотчасъ въ свою лавку и оную за собою заперъ.

Какъ Мурадъ опасно былъ раненъ, то народъ обсталъ вкругъ бегемриллагова двора, ожидая (*) Кади, за которымъ тотчасъ послали. Онъ побѣжалъ туда съ своими (*) Аззами, и выломивъ насиль-

(*) Кади у всѣхъ восточныхъ народовъ называются судьи гражданскихъ и криминальныхъ дѣлъ, вступаются такъ же они и въ дѣла касающїяся до вѣры.

(*) Полицейскіе служители.

сильно дверь, которой не хотѣли было отпереть, вошелъ онъ въ лавку, и спрашивалъ бывшихъ при ономъ дѣлѣ свидѣтелей, которой изъ трехъ горбуновъ убійца былъ. Никто изъ нихъ не могъ его разпознать; ибо они во всемъ столь между собою сходны были, что сами другъ друга не узнавали. Кади спрашивалъ Ібада, которой отвѣчалъ: что не онъ ранилъ молодаго сего человѣка, и притомъ не можетъ онъ сказать Сіагукъ ли то здѣлалъ, или Бабеканъ: Сіагукъ утверждалъ тоже, и Бабеканъ видя себя въ безопасности, отважился равномѣрно запереться, что онъ не имѣлъ въ семъ дѣлѣ никакого участія.

Кади пришелъ тогда въ великое недоумѣніе; виноватой былъ одинъ, а между тѣмъ является

ихъ трое, и никто въ семъ дѣлѣ непризнается; и разсудилъ за лучшее донести о такомъ странномъ произшествіи Домаскому царю, которой велѣлъ представить трехъ горбатыхъ предъ себя, и сей государь допрашивая ихъ самъ, и не вывѣдавъ никакой правды, приказалъ, чтобъ для сысканія виноватаго, дать изъ нихъ каждому посту палочныхъ ударовъ по пятамъ. Сіе наказаніе начали съ Сіагука, а потомъ досталось Ибаду; но они оба за подлинно не зная дѣйствительно ли виноватъ въ томъ Бабеканъ, такое то между ими было сходство, палки вытерпѣли, оставя царя по прежнему въ невѣдѣніи. Бабекану также досталось не меньше ихъ: какъ онъ былъ самъ судья въ собственномъ своемъ дѣлѣ, то не разсудилъ онъ заблаго, себя обвинить, а равномѣрно представлялъ

свою невинность и царь несыскавъ настоящаго убійцы, и не желая предать смерти двухъ невинныхъ съ однимъ виноватымъ, приказалъ только выслать ихъ на всегда троихъ вонъ изъ Дамаса.

Ибадъ, Сіагукъ и Бабеканъ принуждены были немедленно повиноваться сему указу: они вышли изъ города, и разсуждая между собою, что имъ дѣлать; Ибадъ и Сіагукъ согласились, что не должно имъ другъ съ другомъ разставаться; но Бабеканъ представлялъ имъ, что въ какомъ бы мѣстѣ они ни были, пока всѣ трое будутъ вмѣстѣ, то безсомнѣнія всегда по прежнему служить будутъ народнымъ посмѣшищемъ, а ежели разойдутся они каждой порознь, то гораздо меньше за ними примѣчать будутъ. Сіе разсужденіе

нїе показалось имъ основательнымъ, они другъ съ другомъ разстались, и пошли всѣ трое разными дорогами. Бабеканъ обѣгавъ многїе Сирскїе города̀, пришелъ наконецъ въ Богдадъ, гдѣ какъ ужѐ имѣлъ я честь объявить вашему величеству, царствовалъ тогда Калифъ Вашикъ-Биллагъ, внукъ Гарруна-Аррешида.

Сей малорослой горбунъ провѣдавъ, что жилъ въ онсмъ городѣ нѣкоторой славной ножевщикъ пошелъ къ нему, чтобъ наняться въ работники: онъ ему о себѣ объявилъ, что онъ родомъ изъ Дамаса, и что онъ знаетъ весьма особливой секретъ, какъ сталь точить. Ножевщикъ желая посмотрѣть подлинно ли Бабеканъ такъ искусенъ, какъ онъ о себѣ сказывалъ, принялъ его̀ въ свою лавку,

и

и увидя въ самомъ дѣлѣ, что не только сталь его рукодѣлья была гораздо крѣпче и вострѣе обыкновенно употребляемой въ Багдадѣ, но еще и работа его была гораздо чище, оставилъ его себѣ въ работники и всячески старался его довольствовать, чтобъ онъ отъ него не отошелъ.

Съ того времени къ лавкѣ его вдвое больше стало приходить купцовъ; малорослой горбунъ едва только успѣвалъ работать, ножевщикъ продавалъ работы его луки и сабли такою цѣною, какою хотѣлъ, и естьлибъ не былъ онъ пьяница и мотъ, то хорошей бы могъ имѣть отъ того достатокъ

Бабеканъ пожилъ въ Багдадѣ не болѣе двухъ лѣтъ, какъ хозяинъ его отъ превеликаго пьян-

ства занемогъ весьма спасно, тѣло его такъ изнурено было виномъ, водкою и женщинами, что сколько жена его и бабеканъ о сохраненїи его жизни ни старались; однако онъ въ ихъ рукахъ и умеръ.

Хотя Ногуда, такъ называлась ножевщикова жена, ни мало собою не хороша была; однако бабеканъ давно ужѐ въ нея влюбленъ былъ, а по смерти своего хозяина имѣя удобной случай обьявить вдовѣ свою страсть, немѣдленно открылъ ей свои мысли: она того не весьма устрашилась, кромѣ того, что ужѐ съ того времяни, какъ онъ у нихъ жилъ, къ странной его фигурѣ она привыкла, разсуждала она притомъ, что когда онъ отъ нея отойдетъ, то лавка ея потеряетъ прежнюю свою славу, и что не большей достатокъ нажитой съ

сво-

своимъ мужемъ, скоро истощиться можетъ. Сіи разсужденія склонили ея, какъ благоразумную женщину, обѣщать Бабекану выпши за него за мужъ, какъ скоро благопристойность вдовства дозволитъ. Въ самомъ дѣлѣ спустя нѣсколько мѣсяцовъ она обѣщаніе свое исполнила, и Бабеканъ не довольствуясь ножевымъ однимъ промысломъ, началъ еще торговать финиковою водою, которой у него весьма много расходилось.

Распространившаяся о семъ горбатомъ по многимъ восточнымъ городамъ слава дошла наконецъ до ушей двухъ его братьевъ, которые живучи близъ пяти лѣтъ въ крайней нищетѣ, сошлись напослѣдокъ другъ съ другомъ въ Дербентѣ, они съ радостію услышали тамъ о хорошемъ состояніи

Бабе-

бабекана, и не сомнѣваясь, чтобъ онъ не помогъ имъ въ ихъ бѣдности, вознамѣрились они итти вмѣстѣ въ багдадъ; и пришедши въ оной, тотчасъ они послали по него бѣдную старушку, которая пустила ихъ въ свой уголъ изъ милости.

бабеканъ увидя своихъ братьевъ весьма изумился. развѣ ужè вы позабыли, говорилъ онъ имъ, пришедъ въ превеликое сердце, что случилось съ вами въ дамасѣ? Еще что ли хотите вы меня здѣлать посмѣщищемъ всему здѣшнему городу? Я кленусь вамъ моею головою, что я обѣихъ васъ велю прибить до смерти палочьемъ, когда осмѣлитесь вы подойти къ моему дому, и естьли невыдете сей же часъ изъ багдада.

Ибадъ и его братъ такому неожиданному прiему удивились, сколь-

сколько они Бабекану бѣдность свою ни представляли съ жалостною притомъ прозьбою; однако онъ нимало не сжалился, и далъ имъ только десять или двенатцать червонныхъ, чтобъ съ тѣми деньгами удалиться въ какой либо другой городъ.

Бабеканъ возвратился домой, жена его увидя на его лицѣ нѣкоторое безпокойство, спрашивала съ пріятностію о причинѣ тому; онъ ей сказалъ: что оное произошло отъ прибытія двухъ его братьевъ, и что опасаясь, чтобъ неслучилось съ нимъ и въ Багдадѣ также какъ въ Дамасѣ, запретилъ онъ имъ притти въ его домъ, и принудилъ ихъ вытти вонъ изъ города.

Негуда стала было ему представлять о его жестокосердіи, но

чрезъ

чрезъ то умножила лишъ только гнѣвъ его: я ужè вижу, говорилъ онъ ей, что ты пожалуй съ радостїю ихъ къ себѣ примешь безъ меня, какъ я поѣду въ балзору. Но я тебѣ напередъ сказываю, ежели ты оное здѣлаешь, то ты сама жива не будешь, больше я тебѣ не говорю, бойся только меня ослушаться.

ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Бабеканова жена, зная довольно сердитой нравъ своего мужа, не смѣла ему противорѣчить; она весьма часто надъ собою пробовала, сколь тяжела рука его: она обѣщалась ему исполнять точно его приказанїе, однако сїи обѣщанїя не успокоили бабекана; онъ почти

всю

всю ночь не могъ спать, и на другой день на самомъ разсвѣтѣ пошелъ онъ къ той старухѣ, гдѣ стояли его братья, и съ великою радостію услышалъ, что они вышли изъ багдада съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ и никогда въ оной не возвращаться.

Ибадъ и Сїагукъ дѣйствительно пошли съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ искать себѣ щастья гдѣ-индѣ; но какъ послѣдней, отошедши не очень далеко отъ багдада, занемогъ, гдѣ принуждены они были пробыть три недѣли, и всѣ свои деньги прожили; то опять чрезъ короткое время увидѣли себя въ прежней своей бѣдности, и не зная, гдѣ приклонить голову, не взирая на строгое бабеканово запрещенїе, вздумали они возвратиться въ багдадъ, и пришли опять къ преж-

ней своей хозяйкѣ, которую просили сходить еще къ ихъ брату, чтобъ его уговорить, принять ихъ къ себѣ, или по крайней мѣрѣ выпросить у него нѣсколько денегъ имъ на дорогу.

Сія женщина не могла имъ отказать въ сей услугѣ: она пошла къ Бабекану, и увѣдомясь въ его лавкѣ, что онъ, тому ужѐ двенатцать дней, поѣхалъ въ Балзору для принятія разныхъ товаровъ, тотчасъ возвратилась она съ сею вѣдомостью къ своимъ постояльцамъ, которые въ такой были крайней нуждѣ, что нимало не медля, пошли сами просить милости у жены своего брата.

Ногуда не могла ихъ не узнать; они во всемъ такъ сходны были на Бабекана, что всякой бы, увидя

увидя изъ нихъ каждаго порознь, почелъ за ея мужа, и сколько онъ ей ни запрещалъ впускать ихъ въ свой домъ; однако она сжалясь на ихъ бѣдность и ихъ слёзы, ихъ пустила, и подала имъ ѣсть. Ужѐ было поздно, и едва Ибадъ и Сіагукъ утолили первой свой голодъ, какъ на улицѣ у вopóтъ застучали весьма крѣпко: голосъ бабеканомъ, котораго было еще чрезъ три дни ожидать надобно, было громовымъ ударомъ для его жены̀ и его братьевъ. Они поблѣднѣли такъ, какъ смерть, и Ногуда, не зная куда ихъ спрятать отъ гнѣвливаго своего мужа, вздумала запереть ихъ въ маленькой пóгребъ, за пять или шесть бочекъ съ водкою.

бабеканъ, стоя у вopóтъ, вышелъ изъ терпѣнія, началъ стучать гораздо крѣпче; напослѣдокъ

ему отворили, и онъ подозрѣвая на свою жену, что она забавлялась съ какимъ нибудь своимъ любовникомъ, котораго она спрятала. Взялъ палку, и билъ ея безъ милости; напослѣдокъ ревность его принудила обыскать весь домъ; онъ искалъ вездѣ съ превеликимъ прилѣжанїемъ; однако за бочки съ водкою не вздумалось ему заглянуть, хотя онъ и входилъ въ погребъ. Наконецъ, милостивой государь, продолжалъ бенъ-Эридунъ, сей злобной горбунъ, не нашедъ ничего, нѣсколько успокоился: онъ заперъ всѣ двери, и по обыкновенїю своему ключи взялъ къ себѣ, и легъ съ Ногудою на постѣлю, а на другой день вышелъ ужè изъ двора передъ вечеромъ, сказавъ женѣ, что онъ ужинать будетъ у одного своего прїятеля. Какъ лишъ скоро онъ ушелъ, то Ногуда тотчасъ бросилась

силась въ погребъ: она крайнѣ изумилась нашедши тамъ Ибада и Сіагука безъ всякаго чувства; безпокойство ея тѣмъ больше умножилось, что она не знала, что дѣлать съ сими двумя тѣлами; но тотчасъ выдумавши способъ, заперла она свою лавку, побѣжала къ багдадскому мосту сыскать Сиврігиссарскаго дрягеля, которой почитался за великаго простака, и разсказавъ ему, что нѣкоторой горбунъ, пришедши къ ней торговать ножей, скоропостижно въ ея домѣ умеръ, и что она боится, чтобъ не было ей за то какого худа, она обѣщала ему четыре золотыхъ чекина, естьли онъ возметъ на себя, положа его въ мѣшокъ, бросить въ рѣку Тигръ. Дрягель на оное согласился, и Ногуда, проводя его къ себѣ, дала ему въ задатокъ два чекина, пропоила его до ночи, за-

вязала въ его мѣшокъ одного только горбатаго, положила ему наголову, и обѣщала ему отдать другїе два чекина, когда онъ порядочно исправитъ свою коммиссїю.

Дрягель принесъ горбуна на своихъ плечахъ на багдадской мостъ, развязалъ свой мѣшокъ, бросилъ тягость свою въ рѣку, и возвратясь тотчасъ къ Ногудѣ, говорилъ ей, смѣючись: ну, теперь человѣкъ твой служитъ пищею рыбамъ! подай мнѣ обѣщанные два чекина, Ногуда пошла въ пóгребъ будтобы за деньгами, но выскочивъ тотчасъ оттуда съ превеликимъ крикомъ, притворилась, что она безъ памяти. Дрягель, удивясь тому, подхватилъ ея пóдъ-руки, и спрашивалъ, какъ она опять опамятовалась, чего она испугалась. Ахъ! говорила она ему, весьма изрядно

рядно представляя дѣйствующее свое лице, войди въ сей пóгребъ, и узнаешь самъ тому причину. Дрягель, вошедъ туда весь оцепенѣлъ, увидя самое то тѣло, которое думалъ онъ бросить въ Тигръ. Чѣмъ больше онъ на него смотрѣлъ, тѣмъ больше удивлялся. Я за подлинно нечестивца сего горбуна сбросилъ съ моста, говорилъ онъ Ногудѣ, какже онъ опять здѣсь очутился? Этому безъ колдовства здѣлаться не можно: пусть такъ, продолжалъ онъ, посмотримъ еще, возвратится ли онъ опять: потóмъ положивъ другова горбуна въ тотже мѣшокъ, отнесъ его нá-мостъ, и выбравъ въ рѣкѣ самое глубокое мѣсто, развязавъ свой мѣшокъ, бросилъ туда бѣднаго Сїагука. Послѣ сего шелъ онъ съ радостїю къ Ногудѣ, не сомнѣваясь ужè, чтобъ

горбунъ не опустился на дно, какъ поворотя въ переулокъ, увидѣлъ онъ идущаго человѣка съ фонаремъ въ рукѣ, и усмотрѣвъ бабекана, которой нѣсколько подгулявши, шелъ къ себѣ домой, едва было онъ съ ужасу не умеръ: однако нѣсколько времени за нимъ шелъ слѣдомъ, и увидя, что онъ пробирается къ тому дому, изъ котораго ужè онъ двухъ горбуновъ вытащилъ, схватилъ его вдругъ зá-воротъ, постойка кумонёкъ, говорилъ онъ ему: ты конечно думаешь, и всю ночь со мною такъ прошутишь, ты ужè и такъ два раза мною насмѣхался, но крайнее ужè будетъ мнѣ нещастїе, когда ты и въ третей разъ отъ моихъ рукъ уйдешь: потóмъ, будучи онъ сильняе бабекана, набросилъ ему на-голову мѣшокъ, и посадивъ его туда по неволѣ, завязалъ толстою

стою веревкою, и побѣжавъ прямо къ мосту, бросилъ въ рѣку горбуна и съ мѣшкомъ: послѣ того похаживалъ онъ весьма долго около сего мѣста, чтобъ посмотрѣть, не выдетъ ли онъ опять изъ воды; но не слыша никакого шуму, возвратился онъ къ ножевщицѣ, чтобъ взять у нея остальные два чекина. Не бойся ужѐ теперь, говорилъ онъ ей, чтобъ онъ опять возвратился, сей горбунъ хотѣлъ было еще надомною подшутить, и конечно притворился мертвымъ только для того, чтобъ проводить меня такимъ образомъ до самаго свѣта; но въ сей разъ такъ хорошо я его управилъ, что безъ сомнѣнія ужѐ въ твой домъ никогда не возвратится.

Ногуда, удивляясь симъ рѣчамъ, велѣла дрягелю объявить ей то

пояснѣе; я, отвѣчалъ онъ, бросилъ было и въ другой разъ сего проклятаго горбуна, какъ идучи къ тебѣ за деньгами, попался онъ мнѣ опять за́-пять или за́-шесть улицъ отсюда съ фонаремъ въ рукахъ, и притворяясь пьянымъ, пѣлъ еще пѣсни: я въ такое пришелъ сердце, что тотчасъ бросясь на него, не взирая на его сопротивленіе, посадилъ въ мой мѣшокъ, завязалъ веревкою, и потомъ бросилъ въ Тигръ, откуда не думаю ужѐ чтобъ онъ больше вышелъ, развѣ только онъ будетъ самой (*) Даджіалъ во плоти.

Жена Бабеканова, услыша сіе, несказанно испугалась. Ахъ! злодѣй, говорила она ему, что это ты здѣлалъ? Ты въ сей разъ утопилъ

(*) Даджіалъ называется Магометанской Антихристъ.

пилъ моего мужа, и просишь еще за сїе смертноубїйство награжденїя: нѣтъ, нѣтъ, я за его смерть тебѣ отмщу, и теперь же пойду жаловаться на тебя Кадїю.

Дрягель не очень испугался сихъ угрозъ: онъ думалъ, что Ногуда дѣлала оное нарочно, не хотя ему заплатить денегъ, шутки на-сторону, говорилъ онъ ей, подай мнѣ два чекина, которые я столь законно заработалъ; ты и такъ ужѐ давно со мною шутишь, а мнѣ между тѣмъ пора домой итти. Ножевщица платить ему не хотѣла: я кленусь моею головою, отвѣчалъ онъ съ превеликимъ сердцемъ, естьли ты мнѣ тотчасъ не отдашь два чекина, то я скоро и тебя самую пошлю въ товарищи къ горбуну. Хо, хо! продолжалъ онъ, слыхано ли это,

что не хотятъ платить за работу. Ну, слушай! когда ты мнѣ тотчасъ не заплатишь, то я хорошую съ тобою сыграю шутку: чѣмъ больше дрягель къ ней приставалъ; тѣмъ больше Ногуда наполняла домъ свой воплемъ: наконецъ вышедши уже изъ терпѣнія, и схвативъ ея за волосы, потащилъ на улицу, и хотѣлъ было ея бросить въ Тигръ, когдабъ не прибѣжало къ ней на помощь нѣсколько сосѣдей.

Дрягель испугавшись убѣжалъ, будучи весьма не доволенъ, по его мнѣнію, обманомъ сей женщины, и шелъ къ мосту для возвращенія въ свой домъ, какъ попались ему на встрѣчу три человѣка, изъ которыхъ, сколько можно было, разсмотрѣть въ темнотѣ, каждой несъ на плечахъ по ношѣ. Тотъ, кото-

которой шелъ напередъ останозилъ его за-руку: куда ты идешь такъ поздо, говорилъ онъ ему? Что тебѣ нужды, отвѣчалъ дрягель съ сердцовъ, я иду куда мнѣ надобно? Ты очень въ томъ обманываешся, отвѣчалъ ему сей человѣкъ, и вмѣсто того пойдешь туда, куда мнѣ надобно, возми у меня съ головы сей мѣшокъ, и ступай передо мною.

ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Дрягель, удивясь такимъ рѣчамъ, хотѣлъ было противиться; но какъ сей человѣкъ сверкнулъ ему въ глаза саблею шириною пальца въ четыре, угрожая срубить ему голову, естьли онъ хотя чють не послушается, то принужденъ онъ

былъ взять сїю тягость, и итти вмѣстѣ съ двумя прочими, изъ которыхъ одинъ казался быть невольникъ, а другой рыбакъ. Прошедши они улицъ съ десять, пришли къ маленькимъ ворóтамъ, которыя тотчасъ имъ отворила одна старуха; они идучи чрезъ весьма темную покрытую алею, пришли въ великолѣпной залъ: но въ какомъ же былъ удивленїи дрягель, увидя при сїянїи больше сóрока восковыхъ свѣчь, которыми освѣщенъ былъ оной залъ, тѣхъ самыхъ горбуновъ, которыхъ онъ побросалъ въ Тигръ, изъ которыхъ двое было на плечахъ у невольника и рыбака, а третьяго несъ онъ на своей головѣ. Онъ въ такой превеликой пришелъ отъ того ужасъ, что весь задрожалъ. Онъ тогда совершенно ужè увѣрился, что такому приключенїю безъ колдовства

ства никоимъ образомъ быть не возможно; но нѣсколько образумившись, закричалъ онъ весьма смѣшнымъ образомъ: чортъ тебя побери проклятой горбунъ! я думаю мнѣ будетъ цѣлую ночь провозиться съ нимъ, чтобъ бросать его въ рѣку, а всё попустому; сей плутъ и такъ уже два раза выходилъ изъ воды, чтобъ не допустить меня получить у ножевщицы двухъ обѣщанныхъ мнѣ чекиновъ, а теперь я его опять вижу здѣсь, да уже и съ двумя товарищами, которые такїе же черти, каковъ онъ самъ. Милостивой государь, говорилъ онъ, оборотясь къ тому, которой казался быть хозяинъ онаго дому, пожалуйте мнѣ на часокъ вашей сабли, я всѣмъ имъ отрублю головы, а потомъ всѣхъ троихъ побросаю въ Тигръ, и посмотрю, выдутъ ли они опять оттуда: нынѣш-

нынѣшней день я столько нещастливъ, что конечно увѣренъ, что дьяволъ опять бы ихъ отнесъ или къ ножевщицѣ, или ко мнѣ домой.

Потомъ дрягель перестал говорить, и Калифъ Ватикъ-биллагъ; ибо онъ самъ тутъ былъ въ купеческомъ платьѣ, которой подражая примѣру Гарунъ-Аррешида своего дѣда, весьма часто ходилъ ночью по городу, чтобъ видѣть, что въ ономъ происходило, и слышать самому, довольны ли были его правленіемъ, весьма удивился слыша сіи дрягилевы слова; онъ ходилъ сію ночь по Багдаду съ верховнымъ своимъ Визиремъ, и встрѣтившись съ однимъ рыбакомъ, спросилъ у него, куда онъ шелъ? я иду, отвѣчалъ сей рыбакъ, вытащить мрежу, которую я еще вчерашняго утра въ Тигръ закинулъ; куда

же

же ты дѣваешь, спросилъ его Калифъ, пойманную рыбу? Завтра, отвѣчалъ онъ, я ея продамъ на багдадскомъ рынкѣ, и куплю хлѣба своей женѣ и троимъ дѣтямъ. Хочешь ли со мною договориться, говорилъ Ватикъ-биллагъ, въ томъ, что ты поймаешь? Съ великою радостїю, отвѣчалъ рыбакъ. Вотъ тебѣ, сказалъ ему Калифъ, десять золотыхъ чекиновъ за твою тоню, доволенъ ли тѣмъ будешь? Рыбакъ такой щедротѣ весьма удивился, и думалось ему не во снѣ ли онъ то видитъ, но спрятавъ чекины въ свой карманъ, отвѣчалъ съ восхищенїемъ, ахъ! милостивой государь, когда бъ я за всякую тоню получалъ постольку, то въ короткое время здѣлался бы богатѣе и сильняе самодержавнаго правителя правовѣрныхъ.

Калифъ

Калифъ сему сравненію усмѣхнулся. Онъ шелъ до берегу Тигра, сѣлъ въ рыбачью лодку, и съ своимъ Визиремъ пособивъ ему вытащить его мрежу, весьма онъ удивился, увидя вмѣсто рыбъ, двухъ малорослыхъ Дамаскихъ горбуновъ, и мѣшокъ, въ которомъ былъ третей.

Такое странное приключеніе возбудило его любопытство, какъ сія тоня принадлежитъ мнѣ, говорилъ онъ рыбаку, которой столько же тому удивлялся, какъ и онъ, то я хочу оную отнести къ себѣ домой, да только надобно, чтобъ ты намъ въ томъ помогъ. Сей человѣкъ, видя уже напередъ такую его къ себѣ щедроту, въ томъ не отговорился. Визирь и рыбакъ взяли одинъ Ибада, а другой Сіагука за ноги, и взбросили къ себѣ на плеча,

а

а Калифъ самъ понесъ мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ Бабеканъ, и шли они ко дворцу, какъ встрѣтился имъ дрягель, которой не за долго предъ тѣмъ временемъ бросилъ трехъ горбуновъ въ Тигръ.

Какъ Ватикъ-биллагъ весь измочился отъ текущей изъ мѣшка воды, то остановилъ онъ дрягеля, и принудивъ его взять сїю ношу, провелъ его до онаго дому, изъ котораго проходъ былъ ко дворцу. Въ семъ то мѣстѣ, милостивой государь, багдадской дрягель возбудилъ рѣчами своими о трехъ горбунахъ Калифово любопытство, которой просилъ его изъяснить ему странное такое приключенїе.

Милостивой государь, говорилъ тогда дрягель, изъясненїе, котораго вы отъ меня требуете, не

столько

столько легко, какъ вы о томъ думаете: чѣмъ больше объ ономъ я размышляю, тѣмъ меньше нахожу правды въ семъ приключенiи; однако со всѣмъ тѣмъ раскажу я вамъ это дѣло точно такъ, какъ думается мнѣ, со мною оно случилось.

СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Знаете ли вы, милостивый государь, говорилъ тогда дрягель, ножевщикову жену, которая живетъ поконецъ улицы гранильщиковъ? Нѣтъ, отвѣчалъ Калифъ: не много вы тѣмъ потеряли, говорилъ дрягель, это наизлѣйшая скотина изъ всего багдада, и вотъ я бы далъ два чекина, которые у меня, чтобъ позволено только мнѣ было

было по моей волѣ влѣпить ей оплеухъ пять-шесть за то, что сія колдунья промучила меня цѣлую ночь: даромъ, что я бѣденъ, я бы пошелъ спать съ удовольствіемъ. И такъ сія ножевщица.... Нѣтъ, постой, когда вы ея не знаете, то я вамъ ея опишу. Представьте себѣ, милостивой государь, большую худощавую бабу, у которой кожа такъ черна, какъ говяжей копченой языкъ, лобъ у нея маленькой, а глаза̀ такъ глубоко ввалилисъ въ голову, что надобно ихъ усмотрѣть въ зрительную трубку: носъ ея въ такой большой дружбѣ съ ея бородою, что они всегда цѣлуются другъ съ другомъ, а ротъ ея, испущающей сѣрной духъ, столь великъ, что весьма походитъ на крокодиловъ: все сіе не прекраснѣйшее ли лице составляетъ? Конечно, отвѣчалъ Калифъ,

копо-

которой, хотя бЪ и нетерпѢливно желалЪ скоряе слышать о трехЪ горбунахЪ, не могЪ однако отЪ смѢху воздержаться такому живому описанїю: ты такой изрядной живописецЪ, что я почти вЪ глазахЪ вижу сїю ножевщицу, и обЪ закладЪ ударюсь, что я узна́ю ея изЪ тысячи, но продолжай твою рѢчь. Ну же, отвѢчалЪ дрягель, когда вы теперь ея знаете, то вообразите себѢ, какЪ будто на яви, что сїя любезная женщина, покрытая большимЪ покрываломЪ, которое утаивало всѢ ея совершенства, пришедЪ на багдадской мостЪ, выбрала меня изЪ пяти, или шести моихЪ товарищей, и обѢщала мнѢ на-ухо четыре чекина, когда я пойду за нею. На барышокЪ я лакомЪ, я полетѢлЪ кЪ ея дому, вошелЪ вЪ оной вмѢстѢ сЪ нею; она покрывало свое сняла, и уви-

увидя ея взялЪ меня ужасЪ: она конечно то примѣтила, и для ободренія моего, поставила она передЪ меня большую скляницу вина. Я признаюсь, милостивой государь, что оно было преизрядное, и не стараясь освѣдомляться, изЪ какова оно государства, скляницу опорожнилЪ; между тѣмЪ пилЪ я сЪ трепетомЪ, я боялся, чтобЪ она подпоивЪ меня, не оставила у себя переночевать, да и не безЪ основанія воображалЪ себѣ я то, потому что она для увѣренія меня вЪ томЪ дѣлала мнѣ чрезвычайныя ласки. Послѣ вина принесла она на столЪ большую бутылку финиковой водки: налила мнѣ сЪ любовнымЪ взоромЪ большой стаканЪ, которой выглохталЪ я безЪ церемоніи; напослѣдокЪ предложила она мнѣ... Постой, милостивой государь, помнится мнѣ, что я выпилЪ два

стакана.

стакана. Ну, хотя бы шесть, отвѣчалъ Калифъ, и окончай, естьли можешь твою исторїю. Хо, хо! какъ ты сударь поспѣшенъ, водка та не такъ скоро пьется; она входитъ въ голову, и я здѣлался полпьяна, выпивъ только два стакана, а ты хочешь, чтобъ еще послѣ скляницы винà, выпилъ я и бутылку водки. Нѣтъ, милостивой государь, ни для чего того я не здѣлаю, хотя бы самъ Султанъ меня просилъ, стоя на колѣнкахъ. Но возвратимся къ старому: какъ ножевщица увидѣла меня въ росхмель, то расказала мнѣ, что одинъ горбунъ, пришедъ къ ней покупать ножей, скоропостижно въ ея лавкѣ умеръ, и опасаясь, чтобъ не обвинили ея въ смертноубїйствѣ, обѣщала дать мнѣ четыре чекина, когда я брошу его въ Тигръ. Я не столько еще пьянъ былъ, чтобъ

не

не могъ исполнить своего дѣла: я просилъ два чекина въ задатокъ, она мнѣ ихъ дала, я положилъ горбуна въ мѣшокъ, исполнилъ ея приказанїе, и пришелъ было къ ней за остальными заработными деньгами, какъ она мнѣ показала опять тогоже горбуна. Я отдаю на ваше разсужденїе, милостивой государь, въ какомъ тогда я былъ удивленїи; я опять его положилъ въ мѣшокъ, отнесъ его въ другой разъ на мостъ, и выбравъ самое быстрое мѣсто въ рѣкѣ, туда его бросилъ, и возвратился было опять къ ножевщицѣ, какъ встрѣтился мнѣ еще проклятой горбунъ, да и съ фонаремъ сверьхъ того, и притворялся быть пьянымъ: я скучивъ ужѐ такими шутками, схвативъ его вдругъ за́-воротъ, и посадивъ его въ мѣшокъ насильно, завязавъ оной веревкою, бросилъ его въ

третей разъ въ Тигръ, надѣясь что изъ мѣшка, въ которомъ онъ былъ, больше ужѐ не выдетъ: я возвратился къ ножевщицѣ, разсказалъ ей о встрѣчѣ горбуна живаго, и какимъ образомъ я съ нимъ раздѣлался: но вмѣсто того, чтобъ дать мнѣ остальные два чекина, она притворно рвала у себя съ отчаянія волосы, и грозила мнѣ Кадїемъ, сказывая, что я утопилъ ея мужа: я не взирая на ея слёзы, хотѣлъ себѣ получить заработныя деньги: мы подняли шумъ; на крикъ ея збѣжались сосѣди, я отъ нихъ ушолъ, и шелъ было къ себѣ домой въ превеликой групсти, какъ вы, милостивой государь, принудили меня взять сей мѣшокъ, и нести до сихъ мѣстъ.

ОСЬМАЯ-

ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Теперь можете вы, милостивой государь, продолжалъ дрягель, легко угадать причину моего ужаса; какъ пришедши сюда увидѣлъ я, что несъ на себѣ опять того же горбуна, котораго ужѐ три раза бросалъ я въ Тигръ, и притомъ еще съ двумя товарищами, которые столь между собою схожи, что можно только ихъ различить по платью.

Хотя Калифъ не могъ проникнуть основанія сего приключенія; однако онъ весьма забавлялся разсказываніемъ дрягеля. Потóмъ посмотрѣвъ онъ на трехъ горбатыхъ гораздо попристальнѣе, примѣтилъ, что они еще не со всѣмъ умерли, и приказалъ тотчасъ при-

вести доктора, которой немедленно потомъ пришелъ, и увидя, что Ибадъ и Сїагукъ между водою великое множество выбрасывали изъ себя водки, изъ того, какъ то и подлинно было, что почли ихъ за мертвыхъ отъ пьянства; что касается до Бабекана, то одно только лишенїе воздуха почти его задушило, но какъ скоро вынули его изъ мѣшка, то мало по малу онъ пришелъ въ чувство, такъ что чрезъ полчаса его братья, и онъ были безъ всякой опасности.

Не возможно себѣ вообразить, въ какое удивленїе пришелъ Бабеканъ, увидя своихъ братьевъ лежащихъ на софахъ: онъ протиралъ большїе свои глаза, и не въ состоянїи будучи понять, какимъ бы образомъ очютился онъ вмѣстѣ съ ними въ незнакомомъ домѣ; давалъ себя

раз-

раздѣвать не говоря ни единаго слова, а между тѣмъ тоже дѣлали съ Ибадомъ и Сіагукомъ.

Калифъ велѣлъ отнести трехъ горбатыхъ въ особливые три покоя, положить ихъ на постели, и двери заперетъ замкомъ. Потомъ отпустилъ онъ рыболова, и приказавъ Визирю удержать дрягеля, и хорошенько его угостить, приготовлялся онъ видѣть веселое дѣйствіе между горбатыми и ножевщицею, которую послалъ онъ взять подъ караулъ на другой день на самомъ разсвѣтѣ.

Калифъ, чтобъ имѣть веселіе совершенное, велѣлъ здѣлать черезъ ночь два платья точно такія, въ какомъ брошенъ былъ бабеканъ отъ дрягеля въ рѣку. Одѣлъ въ оныя Ибада и Сіагука, которые

хмѣль свой со всѣмъ ужѐ прогуляли. И такимъ образомъ будучи они всѣ трое въ одинакомъ платьѣ, велѣлъ онъ ихъ поставить за́-три разныя двери, изъ которыхъ былъ входъ въ великолѣпной дворцовой залъ, и по нѣкоторому сигналу приказалъ ихъ вдругъ всѣхъ троихъ представить.

Визирь съ дрягелемъ и нѣсколько вооруженными людьми, взявъ ножевщицу подъ караулъ на самомъ разсвѣтѣ, привелъ ея въ залъ, гдѣ Калифъ сидѣлъ ужѐ на своемъ тронѣ. Онъ допрашивалъ ея, что происходило у ней съ дрягелемъ? Она объявила ему во всемъ сущую правду безъ всякой утайки; и оказывала пребезмѣрную печаль, лишившись своего мужа: да не выдумана ли, лучше сказать, говорилъ ей Калифъ, эта исторія, которую

ты

ты мнѣ расказываешь? Какъ можетъ статься, чтобъ сіи горбуны столь между собою были сходны, чтобъ дрягель разпознать ихъ не могъ? Ахъ! милостивой государь, отвѣчала Ногуда, онъ былъ ужѐ полпьяна, когда я дала ему сію комисію, а кромѣ того мужъ мой, и его братья столь были между собою схожи, что когдабъ они были всѣ трое въ одинакомъ платьѣ, то, можетъ быть, и я бы сама не могла ихъ разпознать. Этобы очень смѣшно было, сказалъ тогда Калифъ захлопавъ руками, и я бы очень желалъ быть свидѣтелемъ такого дѣйствія.

Сіе было сигналомъ, которой далъ Ватикъ-биллагъ, чтобъ представить горбатыхъ. Тотчасъ двери отворились, и ножевщица при семъ позорищѣ едва было съ ужа-

су не умерла: о небо! вскричала она, какое это чудо, давно ли спали изъ мертвыхъ воскресать? не привидѣнїе ли это, милостивой государь, и глаза̀ мои не мечту ли какую видятъ? Нѣтъ, ты не обманываешся, отвѣчалъ Ватикъ-биллагъ: изъ сихъ трехъ горбатыхъ одинъ твой мужъ, а другїе два его братья, тебѣ должно узнавать твоего мужа, посмотри на всѣхъ троихъ попристальнѣе: но только запрещаю я имъ подъ опасенїемъ смерти говорить, или дѣлать какой либо знакъ.

Ножевщица, пришедши въ крайнее изумленїе, оглядывала ихъ съ ногъ до головы̀, однако не могла узнать своего мужа, и Калифъ, которой равномѣрно самъ въ нихъ ошибался, приказавъ тогда тому изъ трехъ, которой былъ бабе-

канъ

канъ, обнять свою жену, чрезвычайно удивился, что всѣ вдругъ три горбуна бросились тотчасъ къ ножевщицѣ на шею, и каждой изъ нихъ увѣрялъ, что онъ ея мужъ былъ.

ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Ибадъ и Сїагукъ хотя знали, что они были предъ Калифомъ, однако не взирая на должное къ нему почтенїе, не нашли они лучшаго способа отмстить Бабекану, какъ называясь его именемъ, и сей послѣдней сколько ни сердился, но братья его все въ одномъ стояли.

Калифъ, видя такой смѣшной споръ трехъ горбуновъ, не могъ отъ смѣха воздержаться; но напосл-

слѣдокъ взявъ на себя важной видъ, сказалъ онъ имъ: я не думаю, чтобъ у васъ столь много было спору въ Бабекановомъ имени, когдабъ вы знали, что я хочу его узнать только для того, чтобъ ему велѣть дать тысячу палочныхъ ударовъ за его жестокость къ своимъ братьямъ, и за то, что онъ запретилъ женѣ своей пускать ихъ въ свой домъ безъ себя.

Ватикъ-Биллагъ, милостивой государь, продолжалъ Абюбекеровъ сынъ, произнесъ сіи слова̀ съ такою притворною строгостію, что Ибадъ и Сіагукъ разсудили заблаго шутку свою оставить: Когда такъ, милостивой государь, сказалъ каждой изъ нихъ порознь, то не мы настоящіе ея мужья, а притворялись только для того, чтобъ наказать нашего брата за его къ

намъ

намъ презрѣнїе; естьли за то надобно получить палочные удары; то пусть онъ одинъ терпитъ, онъ того достоинъ: а мы, милостивой государь, слезно просимъ о вашей щедротѣ, и мы надѣемся, что ваше Августѣйшее Величество, отъ котораго ни одинъ человѣкъ безъ удовольствїя не отходилъ, соизволите подать намъ помощь въ крайней нашей бѣдности.

Калифъ, взглянувъ въ то время на бабекана, увидѣлъ его въ крайнемъ смущенїи. Что имѣешь ты противъ сего отвѣчать, сказалъ онъ ему? Сильной царь царей, отвѣчалъ сей горбатой, повалясь лицомъ на землю, какое наказанїе правосудїе ваше мнѣ бы ни опредѣлило; однако я со всѣмъ тѣмъ не отпираюсь быть мужемъ сей ножевщицы: преступленїе мое тѣмъ

 боль-

большее, что будучи я одинъ причиною высылки моихъ братьевъ изъ города Дамаса за одно смертноубійство, въ которомъ по совершенному нашему во всемъ сходству виноватаго найти не могли, я бы долженъ былъ участниками ихъ зделать моего благополучія, такъ какъ они были и въ моемъ нещастіи; но естьли чистосердечное раскаяніе можетъ исходатайствовать мнѣ милость, то я хочу отъ искреннѣйшаго моего сердца раздѣлить съ ними все мое имѣніе, пріобрѣтенное собственными моими трудами, съ того времени, какъ я живу въ Багдадѣ, и надѣюсь, что Ваше Величество милостивно простите мою неблагодарность за такое истинное мое о томъ раскаяніе и сожалѣніе.

Калифъ, со всѣмъ не имѣя намѣренія наказать Бабекана, весьма дово-

доволенъ былъ, видѣть его въ такомъ намѣреніи, онъ его простилъ, и желая, чтобъ Ибадъ и Сіагукъ за то, что они его столько увеселили, возчувствовали на себѣ дѣйствіе его щедроты, приказалъ публиковать въ багдадѣ, что, естьли кто изъ дѣвицъ выищутся охотницы итти за-мужъ за сихъ двухъ горбатыхъ, онъ выдастъ каждой изъ нихъ по десяти тысячъ червонныхъ. По сему указу нашлось больше дватцати, которыя почитали себя щастливыми, имѣть знатное такое приданое. Но Ибадъ и Сіагукъ, выбравъ изъ нихъ на свою руку, получили еще отъ Калифа дватцать тысячъ чекиновъ, которые положили они въ торгъ съ бабеканомъ; и сіи три брата препроводили спокойно остатокъ дней своихъ подъ покровительствомъ самодержавнаго правителя

правовѣрныхъ, которой и друтеля также столь много наградилъ, что онъ послѣ того времени жилъ во всякомъ довольствѣ, не имѣя нужды продолжать ремесла своего.

Когда бенъ-Эридунъ окончилъ приключенія трехъ Дамасскихъ горбуновъ, то Шемсъ-Эддинъ говорилъ ему: я кленусь (*) Аліемъ, что съ того времени, какъ лишился я любезной моей Зебдъ-Эль-Катоны, естьли чувствовалъ какое либо увеселеніе, то оное отъ твоихъ разговоровъ. По моему мнѣнію смѣшняе сего приключенія ничего быть не можетъ. Ты правду обѣщалъ мнѣ разсказать нѣчто странное, а тутъ и все странное, и не вѣдая чѣмъ мнѣ наградить такого

(*) Али, былъ Махометовъ зять: сія клятва весьма употребительна у восточныхъ народовъ.

такого человѣка какъ ты, я хочу... Ахъ! милостивой государь, перервалъ Бенъ-Эридунъ, не допустивъ Царя Астраханскаго окончить рѣчь свою, я оное дѣлаю не для прибыли какой, чрезмѣрныя награжденія возбуждали только отчасу болѣе ненависть здѣшнихъ докторовъ на моего отца, и вѣрнаго вашего раба. Я ужѐ довольно отъ нихъ претерпѣлъ послѣ его отъѣзда, и естьли я еще живъ по сіе время, то сіе благополучіе единственно произошло отъ того, что я имѣлъ щастіе понравиться вашему величеству. Что это такое значитъ, отвѣчалъ Шемсъ-Эддинъ удивившись симъ рѣчамъ? Смѣетъ ли кто въ Астрахани дѣлать тебѣ какую досаду? Милостивой государь, началъ тогда говорить Визирь Мютамгидъ: Бенъ-Эридунъ по моимъ съ нимъ поступкамъ

камъ не имѣлъ ничего худаго опасаться: одинъ изъ вашихъ докторовъ сказалъ мнѣ, что онъ смѣялся моему и Кюбергинову безпокойству, что мы опасались не находить наконецъ для вашего величества никакихъ новыхъ вѣстей, и увѣрилъ меня, что онъ хвасталъ одинъ оное исполнить до возвращенія своего отца. Первое движеніе привело меня въ ужасное сердце на Бенъ-Эридуна, я стращалъ было его достойнымъ за такое дерзновеніе наказаніемъ; но увидѣлъ его столь спокойнымъ отъ моихъ угрозъ, и столь разумнымъ въ исполненіи того, въ чемъ, какъ ужѐ я послѣ узналъ, его обвинялъ докторъ ложно, что я всегда отдавалъ справедливость должную его достоинству, и что съ того времени почиталъ его какъ роднаго моего сына.

То

То правда, милостивой государь, отвѣчалъ Абюбекеровъ сынъ, говоря царю Астраханскому: я бы несправедливъ былъ жаловаться на Мютамгида: я видѣлъ отъ него всевозможныя милости; но между тѣмъ за мною присматриваютъ, а злостной докторъ, которой старался только меня погубить, наслаждается вольностїю.

Это несправедливо, перервалъ Шемсъ-Эддинъ: я хочу, чтобъ онъ заключенъ былъ въ темницу до возвращенїя Абюбекерова, а чтобъ привести тебя въ безопасность отъ ненависти другихъ докторовъ, жалую тебя Визиремъ равнымъ Мютамгиду и Кюберге, съ такимъ только уговоромъ, чтобъ тебѣ не имѣть никакой злобы на перваго; потому что онъ худова намѣренїя не имѣлъ, и я довольно увѣренъ,

по

по его человѣколюбїю, что онъ бы тебя смерти не предалъ, хотябъ и я тобою доволенъ не былъ.

Бенъ-Эридунъ за такую высокую царскую милость бросился къ его ногамъ, и сперва было отрицался принять на себя такой чинъ; однако надлежало повиноваться: милостивой государь, говорилъ онъ царю, когда ваше величество принуждаете меня принять на себя такое достоинство, котораго я не заслужилъ, я самовластїю вашему повинуюсь, и увѣряю Мютамгида вѣчною и ненарушимою дружбою; но какъ забвенїе обидъ и непамятозлобїе есть главной знакъ добросердечїя, то всеуниженно прошу о прощенїи доктора, которой хотѣлъ меня погубить. Пусть только онъ узнаетъ, что я въ состоянїи былъ наказать его за его

злобу, да только не хотѣлъ того здѣлать. Нѣтъ! нѣтъ, отвѣчалъ Шемсъ-Эддинъ, на сїе я не склонюсь, онъ не увидитъ прежде дневнаго свѣта, пока не возвратится Абюбекеръ изъ Серендиба; и сей безделникъ столько же будетъ желать его возвращенїя, сколько сперва того опасался: но до того времени, любезной мой Бенъ-Эридунъ, продолжалъ сей государь, не оставляй меня несноснымъ мученїямъ, и старайся прїятностїю твоихъ разговоровъ извлечь меня изъ глубокой задумчивости, въ которую непрестанно меня ввергаетъ печальное напамятованїе о моемъ уронѣ. Милостивой государъ, отвѣчалъ Бенъ-Эридунъ, поклонясь до земли: когда ваше величество милостиво удостоили слушать съ нѣкоторымъ удовольствїемъ нижайшаго вашего раба, я кленусь, не отходить отъ

вас,

васъ, пока имѣть буду честь вамъ угоденъ быть, и что всѣ часы моей жизни посвящены будутъ къ вашей службѣ. Продолжай же отвѣчалъ Шемсъ-Эддинъ, оказывать мнѣ знаки твоей преданности разсказыванїемъ мнѣ какой нибудь новой исторїи, которыя столько же бы меня увеселили, какъ и прежнїя твои.

Я знаю одну, милостивой государь, отвѣчалъ бенъ-Эридунъ, которая весьма любопытна, и не однократно ужѐ думалъ было ея начать, да только опасаюсь привести вамъ на память нещастїя ваши; потому что она въ своемъ началѣ имѣетъ сходство съ тѣмъ, что случилось вамъ наигорестнѣйшаго, то правда, что окончанїе оной весьма различно, которое тотчасъ приведетъ въ забвенїе, что сперва

ва печальнаго было: однако я, милостивой государь, безъ особливаго на то повелѣнія отъ вашего величества начать не осмѣливаюсь.

Шемсъ-Эддинъ сперва нѣсколько подумавъ, сказалъ ему: нещастія мои и безъ того такъ живо всегда въ умѣ моемъ представляются, что твоя исторія не можетъ ихъ прибавить. И такъ, любезной мой Бенъ-Эридунъ, ты можешь смѣло начинать твою повѣсть, какая бы она ни была, я буду слушать со вниманіемъ. Бенъ-Эридунъ въ повиновеніе точному сему приказанію началъ раскaзывать Астраханскому царю слѣдующими словами:

ПОВѢСТЬ

о *Учимъ-Охантеѣ*, *Принцѣ Китайскомъ*.

Фанфуръ Императоръ Китайской сочетался бракомъ съ Катифею, прекраснѣйшею изъ всего свѣта Принцессою; ничего въ натурѣ не видано было столь совершеннѣйшаго, какъ она, и когда однажды взглянуть на окружность ея лицà, то все прекрасное виданное до того времени было само ничто въ разсужденiи совершенствѣ сея Императрицы, которой качества душевныя гораздо еще превосходили и тѣлесныя. Такiя жёны должны бы быть безсмертныя, но несравненная Катифе, милостивой государь, въ Китаѣ только почти для того показалась, чтобѣ оставить тамъ по себѣ вѣчную печаль: она умерла на первомъ году своего

его брака, произведя на свѣтъ Принца именемъ Учимъ-Охантея.

Фанфуръ въ такую пришелъ печаль о смерти своей супруги, что оставя правленїе своихъ областей, предался совсѣмъ въ отчаянїе. Онъ велѣлъ построить въ своемъ дворцѣ великолѣпную гробницу, на которой изъ бѣлаго мрамора изображена была Катифе, и не пропускалъ ни одного дня, чтобъ не сходить туда два раза для омоченїя оной своими слезами.

Сей государь около пяти лѣтъ препровождалъ такимъ образомъ жизнь свою, какъ верьховной его Визирь, которой былъ человѣкъ совершеннѣйшаго разума, пришелъ нѣкогда къ нему; онъ сперва повергнулъ себя лицомъ на землю, и потомъ вставши говорилъ ему:

милостивѣйшій государь, смѣетъ ли представить тебѣ нижайшій твой рабъ, что твоя печаль весьма долговременна, и что она приводитъ тебя у народа въ ненависть? Сколь несравненная Катифе достойна ни была, однако оной негодуетъ, видя тебя проливать такъ долго слёзы, которыя лучше приличествуютъ женѣ, нежели такому государю, каковъ ты. Катифе была чрезмѣрно прекрасна, но сыщется ли больше на землѝ подобной ей женщины? Естьли не можетъ тебя тронуть никакая другая красота, то вздумай по крайней мѣрѣ, что ты долженъ сохранить твоему сыну престолъ, съ котораго подданные твои намѣрены тебя свергнуть, естьли ты долѣе будешь жить въ твоемъ уединеніи.

ДВАДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Фанфуръ, удивясь Визирскимъ рѣчамъ, пробудился какъ бы отъ глубокаго сна. благодарствую тебѣ, Визирь, говорилъ онъ ему, за твою искренность и чистосердечіе, одна только польза моего сына возвращаетъ меня къ жизни: я былъ бы виновенъ, естьли бъ отчаяніе мое было причиною бѣднаго его состоянія: дай же знать народу, что я намѣренъ оному показаться, и что сверьхъ того хочу жить со всѣмъ иначе, нежели какъ жилъ послѣ смерти любезной моей Катифе.

Какъ лишъ скоро Визирь вѣдомость сію обнародовалъ, то воздухъ наполнился радостнымъ восклицаніемъ; Фанфуръ былъ любимъ всѣми, и его подданные, сколь довольны ни были управленіемъ Визирскимъ, засвидѣтельствовали

радость свою, видя самаго своего государя, вступившаго въ правленїе, многими торжествами и веселыми пиршествами.

Какъ во всѣхъ Фанфуровыхъ поступкахъ всегда видна была печаль, то Визирь, стараясь оную разбить, представлялъ ему наипрекраснѣйшихъ въ свѣтѣ женщинъ; однако прелести ихъ не могли изкоренить изъ его сéрдца óбраза прекрасной Катифе: онъ на всѣхъ ихъ взиралъ безъ наималѣйшей чувствительности, которая удивила и самихъ Мандариновъ, и обративъ всѣ свои попеченїя къ одному Учимъ-Охантею обявилъ, что пока сей Принцъ будетъ живъ, не сообщится онъ ни съ какою женою.

Наконецъ, милостивой государь, единородной наслѣдникъ

Китай-

Китайскаго государства, едва достигнулъ шестнатцати лѣтъ, какъ почувствовалъ въ себѣ превеликую склонность къ путешествїямъ, и просилъ нѣкогда о томъ позволенїя у Фанфура; но сей Монархъ, удивясь такой прозьбѣ, и представя ему съ крайнею ласкою всѣ опасности, коимъ бы онъ былъ подверженъ, и несносное безпокойство, которое причинило бъ ему его отсудствїе, усильно его просилъ объ ономъ намѣренїи больше не думать.

ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Сїи представленїя не только Учимъ-Охантея не отвратили, но еще больше желанїе его умножили, и онъ вознамѣрился нашед-

ти случай уѣхать безъ позволенія родительскаго. Онъ запасся весьма многимъ числомъ дорогихъ каменьевъ, взялъ золота, сколько ему за нужно разсудилось, и пригласивъ къ своему намѣренію шестерыхъ изъ своихъ друзей, и съ ними только одними поѣхалъ на суднѣ, которое потаенно одинъ изъ нихъ ему купилъ.

Одинъ изъ сихъ шести человѣкъ, которой напредь сего былъ его дятька, хотя и противился его намѣреніямъ, однако сей Принцъ грозилъ ему своимъ гнѣвомъ, естьли онъ хотя чють о томъ заикнется царю, его отцу, и какъ бакмасъ [имя сего дядьки] горячо любилъ Принца, то не хотѣлъ онъ оставить его стремленіе страстей, которымъ подверженъ онъ былъ по своей младости,

и

и вознамѣрился претерпѣвать вмѣстѣ съ нимъ всякія опасности.

Другой Принцовъ дорожной товарищъ назывался Ахмеди, сей былъ ученой Мандаринъ; онъ зналъ на всѣ почти языки, и въ краснорѣчіи никого себѣ подобнаго не имѣлъ.

Третей былъ сынъ Принцовой кормилицы и богатаго купца.

Четвертой былъ преизрядной музыкантъ, и игралъ на инструментахъ съ такою нѣжностію, которая плѣнила всѣ чувства.

Пятой былъ живописецъ подобной славному Манію, а шестой такъ легокъ былъ на-ногу, что въ состояніи былъ нагонять наибыстрѣйшихъ въ бѣгу звѣрей.

Имѣя они вѣтеръ весьма благополучной, и судно хорошо оснащенное, Принцъ переѣхалъ въ десять дней около осми сотъ миль. Они пристали къ берегу, гдѣ выгрузясь, Принцъ подарилъ судно и со всѣмъ приборомъ кормщику, наистрожайше ему запретивъ, не возвращаться въ Китай чрезъ шесть лѣтъ.

Бакмасъ и Ахмеди видя, что Учимъ-Охантей весьма расточилъ золото и серебро по всѣмъ проѣжжающимъ городамъ, представляли ему, что когда хочетъ онъ путешествовать подъ именемъ простаго дворянина, то не должно ему дѣлать такихъ чрезвычайныхъ издержекъ; а естьли онъ будетъ жить съ толь малою бережливостію, какъ началъ, то богатства его, сколь бы они многочисленны ни

были

были скоро истощиться могутъ. Принцъ не хотѣлъ тому ни чему вѣрить, онъ столько былъ расточителенъ, что наконецъ дошло дѣло до каменьевъ, которыхъ у него было на такую безчисленную сумму, что онъ воображалъ себѣ никогда не имѣть недостатку въ деньгахъ. Между тѣмъ объѣздя около двенатцати тысячь миль по разнымъ государствамъ, то моремъ, то сухимъ путемъ, на́чалъ онъ весьма поздо усматривать, что надлежало бы ему послѣдовать благоразумнымъ совѣтамъ Мандарина и своего дядьки. Онъ призналъ тогда погрѣшность свою съ крайнимъ сожалѣнїемъ, и находился въ самомъ бѣднѣйшемъ въ разсужденїи Принца состоянїи; къ большей же своей горести довелъ онъ и шестерыхъ своихъ дорожныхъ товарищей до такого жъ

 бѣд-

бѣднаго состоянїя; однако нѣсколько еще утѣшало его то, что ни одинъ изъ нихъ не жаловался на его небережливость, и что напротивъ того всѣ они обѣщались помогать ему каждой своимъ искусствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро они прїѣхали въ нѣкоторой большой городъ, скороходъ провѣдавъ, что вездѣ искали человѣка, которой бы могъ въ скорости отправить нѣкоторыя нужнѣйшїя дѣла̀, подрядился оное исполнить. Онъ взялся меньше сутокъ обѣгать болѣе шестидесяти миль. Онъ въ томъ договорился, а Принцъ съ своими товарищами были за него поруками: ему отщитали деньги, изъ которыхъ большую половину оставилъ онъ имъ; и исполнивъ свое обѣщанїе къ великому удоволь-

вольствїю тѣхъ, которые его наняли, Принцъ пользовался его скоростїю; и живучи съ великою бережливостїю, поѣхали они въ другой городъ, имѣя у себя денегъ только четыре серебряныя монеты.

ДВАДЕСЯТЬ ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Какъ скоро въ оной прїѣхали, то купецкой сынъ, зная совершенно ариѳметику, пошелъ къ славному купцу, подрядился у него окончить въ три дни всѣ щеты его, которые онъ имѣлъ съ своими повѣренными. Хотя сїе казалось почти невозможнымъ, однако купецъ заставилъ его трудиться, былъ трудами его доволенъ, заплатилъ ему за то весьма честно; и сими деньгами Принцъ съ своею

свитою прожилъ недѣли съ двѣ, по прошествїи которыхъ опять они пришли въ прежнюю крайность. Тогда музыкантъ взялъ свою лютню, на́чалъ на ней играть, и притомъ припѣвать съ такою нѣжностїю и согласїемъ, что знатнѣйшїе въ городѣ господа̀ стали его брать въ свои домы. Они ему платили за сїе увеселенїе весьма довольно, и сими деньгами питались они нѣсколько недѣль. Живописецъ видя тогда, что они опять скоро въ прежнюю бѣдность придутъ, пошелъ къ царю той земли̂, въ которой они были, договорился написать его портретъ, и изобразилъ его такъ сходно и живо, что сей государь, удивясь такой новости, почелъ его за божественнаго человѣка. Онъ не могъ понять, какимъ бы образомъ возможно было изобразить толь живо и натурально

рально всѣ его черты лица̀, что всякой могъ его узнать въ сей картинѣ. Онъ далъ живописцу дорогой цѣны брилїанъ и три тысячи чекиновъ. Всѣ знатнѣйшїе придворные господа̀, по примѣру государя, захотѣли также списаться, и онъ за всѣ сїе получилъ такїе знатные подарки, что онъ вынесъ съ собою изъ сего города больше десяти тысячь червонныхъ. Сїя сумма въ разсужденїи тогдашняго Принцова состоянїя была чрезвычайная, но весьма малая въ разсужденїи безчисленнаго богатства, которое онъ расточилъ безразсудно.

Они одѣлись всѣ весьма чисто, деньги свои поберегали и вознамѣрились опять ѣхать къ Китаю. Они ужѐ отъѣхали больше пяти сотъ миль и недалеко были отъ города Зоффалы какъ напало на нихъ около двухъ сотъ разбойниковъ.

Хотя Учимъ-Охантей имѣлъ только при себѣ шесть своихъ товарищей, однако многолюдство его не устрашило: онъ вознамѣрился обороняться; но какъ Ахмеди представилъ ему, что сïе было бъ безразсудная смѣлость, то Принцъ оружïе опустилъ: одинъ человѣкъ весьма изряднаго вида, которой казался быть предводителемъ сихъ злодѣевъ, подошедъ къ нему весьма учтиво въ разсужденïи такого человѣка, говорилъ ему, намъ въ жизни вашей нѣтъ нужды, когда вы нимало не противитесь, мы довольны будемъ вашимъ имѣнïемъ; но естьлибъ хоть одинъ изъ васъ осмѣлился по противиться, то клянусь вамъ, чтобъ ужè вы всѣ были изрублены. Учимъ-Охантей, взглянувъ на него съ презрѣнïемъ, сказалъ ему: когда бъ васъ было пятьдесятъ на насъ семерыхъ, то бы

я васъ не устрашился, но многолюдству должно уступить, дѣлайте съ нами что хотите.

Такой смѣлой отвѣтъ атаману сихъ разбойниковъ показался: я вижу, говорилъ онъ ему, что въ тебѣ есть храбрость, за то тебѣ спасибо, и для того поступлю я съ тобою получше. Потомъ разсмотрѣвъ, сколь велика вся добыча, отдалъ онъ Принцу сто золотыхъ чекиновъ, и каждому изъ его товарищей по пятидесяти, оставилъ имъ лошадей, и отпустилъ ихъ продолжать свой путь.

Наконецъ прїѣхали они въ Зофалу, гдѣ Китайской Принцъ занемогъ весьма опасно, почему прожили они тутъ большую половину своихъ денегъ, и пришли опять въ прежнюю свою бѣдность.

Очередь пришла до Бакмаса промышлять на пропитаніе денегъ: но какъ въ городѣ семъ жили только одни купцы, которые только помышляли о своихъ торгахъ, и о политикѣ, которой онъ обучался при дворѣ Китайскомъ, и о которой хотѣлъ онъ давать наставленія, они и понятія не имѣли, то сколько онъ съ надменностію своею по всему городу ни ходилъ, однако все понапрасну, и не нашелъ ни одного человѣка. кто бы ему хотя стаканъ воды поднесъ; онъ кусалъ себѣ губы съ досады.

ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Бакмасъ, милостивой государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, шелъ назадъ въ превеликой горе-

сти, что не могъ оказать своему Принцу такой же услуги, какъ его товарищи, какъ встрѣтился ему одинъ почтенной старикъ, которой по иностранному своему виду казался быть не тутошнимъ жителемъ; онъ разсудилъ по Бакмасову взгляду, что онъ былъ въ крайней печали, и спросивъ у него тому о причинѣ, просилъ его и съ своими товарищами къ себѣ въ домъ. Принцъ пошелъ къ нему съ своею свитою, и во время обѣда сей доброй старикъ слыша, что Бакмасъ весьма выхваливалъ преимущества, которыя даетъ намъ знатная порода, говорилъ своимъ гостямъ: друзья мои, бѣдной человѣкъ всегда бываетъ въ презрѣнїи, какого бы онъ званїя ни былъ: когда мы придемъ въ бѣдность, то гораздо лучше утаивать ужѐ о своемъ благородствѣ; а когда напро-

напротивъ того разбогатѣемъ, то хотябъ изъ самой подлости были, однако всѣ почитать будутъ, какъ бы самыхъ знатнѣйшихъ. Сказавъ сїе, положилъ онъ бакмасу въ руку двадцать червонныхъ, и вставши изъ за стола пошелъ въ городъ за своими дѣлами, и Принцъ съ своими товарищами вмѣстѣ съ ними же вышелъ.

Сїи разсужденїя привели Учимъ-Охантея въ крайнюю печаль, онъ со стыда плакалъ. Что это, размышлялъ онъ въ себѣ, пристойно ли, чтобъ за одну мою погрѣшность, принужденъ я былъ кормиться искусствомъ моихъ товарищей? и безъ ихъ бы вспоможенїя дошелъ бы я до крайней нищеты? Ахмеди, видя Принца въ превеликой печали, для утѣшенїя его употреблялъ все свое краснорѣчїе; и притомъ

томъ обличалъ малодушїе его въ нещастїяхъ; выѣхавъ изъ Зоффалы, прибыли они чрезъ нѣсколько дней въ весьма изрядной маленькой городокъ. Ахмеди тотчасъ по своемъ прїѣздѣ обнародовалъ въ городѣ, что онъ чрезъ восемь дней съ ряду готовъ спорить о всякихъ разныхъ вещахъ противъ наиученѣйшихъ людей. Сперва было хвастовству его стали смѣяться, но какъ пришло до дѣла, то онъ всѣхъ слушателей привелъ въ великое удивленїе, и столь оказалъ превосходное свое знанїе, что всѣхъ посрамилъ, которые осмѣливались противъ его говорить. Но со всѣмъ тѣмъ наука его возбудила только во всѣхъ ученыхъ къ нему зависть; онъ отъ сего спора получилъ лишь себѣ пустую и безплодную славу, а сверьхъ того такъ на него всѣ поднялись, подъ тѣмъ

тѣмъ видомъ, будтобы наука его противна была государственной пользѣ, что онъ для спасенія своего живота, принужденъ былъ бѣжать, и естьли бъ у нашихъ дорожныхъ не осталось еще нѣсколько денегъ, то бы они и голодомъ пробыли.

Ученой Ахмеди былъ въ чрезвычайномъ смущеніи; онъ долго роптаАъ на неблагодарность и невѣжество вѣка: но наконецъ будучи въ дорогѣ около одиннатцати дней, пріѣхали они въ городъ Зебъ.

Принцъ, терзаясь мучительными разсужденіями о своемъ нещастіи, говорилъ: О небо! каждой изъ васъ, выключая Ахмедія, нашелъ способъ, чѣмъ намъ пропитаться, и теперь одинъ я только остался, чтобъ отвѣдать щастія, могу ли вамъ

вамъ въ томъ отслужить. Нѣтъ, нѣтъ, конечно на небѣ не написано, чтобъ я всегда вамъ былъ въ тягость; потомъ сказавъ имъ, что онъ оставитъ ихъ на одинъ только часъ, приказалъ имъ искать себя на Зебской площади; хотя было они не хотѣли отъ него отставать, однако онъ, оставя ихъ, пошелъ только одинъ. Прошедши большую часть города, сѣлъ онъ на каменной лавочкѣ, которая случилась на улицѣ, и былъ въ глубокихъ мысляхъ о своемъ нещастіи, какъ по той улицѣ, гдѣ онъ тогда сидѣлъ, шла великолѣпная погребательная церемонія. Печаль его столько усилилась, что не различая никакихъ настоящихъ предметовъ, не имѣлъ онъ нималѣйшаго любопытства, чтобъ освѣдомиться, по комъ Зебскіе жители проливали слёзы; и когда

коле-

колесница, на которой поставленъ былъ гробъ, проѣхала мимо его, то онъ не всталъ передъ нею, какъ прочїе смотрители.

Симъ поступкомъ, которой почли за презрѣнїе, такъ много озлобились, что начали Принца жестоко бранить; онъ на то имъ ничего не отвѣтствовалъ, разсуждая самъ въ себѣ, до чего приводитъ насъ бѣдность; но молчанїе его также толкуя въ худую сторону, одинъ изъ бывшихъ при погребательной церемонїи ударилъ его весьма больно хлыстикомъ по лицу.

Учимъ-Охантей въ такое пришелъ тогда сердце, что обнаживъ свою саблю, срубилъ тотчасъ голову сему грубїяну. Такой смѣлой поступокъ удивилъ всѣхъ зрителей:

лей: они хотѣли было на Принца броситься, но онъ обороняясь, какъ лютой левъ, порубилъ больше тритцати человѣкъ прежде, нежели схватить его могли. Между тѣмъ напали на него великимъ многолюдствомъ, схвативъ его, связали ему руки, и хотѣли было вести въ темницу, какъ по щастїю шестеро товарищей подоспѣли на оное мѣсто, гдѣ сїе дѣйствїе происходило.

ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Они нимало не медля обнажили всѣ свои сабли, и напавъ нечаянно на тѣхъ, которые вели Учимъ-Охантея, тотчасъ его изъ рукъ ихъ освободили; сей Принцъ опять принялся за свою саблю, и совоку-

совокупясь съ своими защитителями, такой страхъ навели на весь городъ, что оставя погребательную церемонїю каждой бѣжалъ отъ нихъ прочь, сколько его силы было.

Ахмеди спрашивая тогда Учимъ-Охантея, по какому случаю такъ худо съ нимъ поступили; весьма удивился, услыша отъ него, что онъ того не знаетъ; но увѣдомясь отъ вожатаго колесницы, на которой стоялъ гробъ, что оное здѣлалось за неоказанїе должнаго почтенїя тѣлу царя Зебскаго, именемъ Меруана, которой невдавнѣ преставился безъ наслѣдниковъ, вознамѣрился всеобщей страхъ употребить въ пользу, и совѣтуя Принцу и своимъ товарищамъ вложить сабли въ ножны, повелъ ихъ къ тому мѣсту, куда збѣжался

народъ. Они пришли на пространную площадь, гдѣ оной былъ въ собраніи, и идучи важнымъ видомъ, подошли они къ городскимъ начальникамъ, которые взирали на нихъ съ почтеніемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ.

Ахмеди далъ тогда знакъ, что имѣетъ онъ имъ сказать нѣчто важное, почему здѣлалось глубокое молчаніе, и сей разумной Китаецъ говорилъ имъ на ихъ языкѣ такъ краснорѣчиво, что весь окружающей его народъ не могъ довольно его наслушаться, и почиталъ его какъ бы человѣка наполненнаго пророческимъ духомъ. Симъ легковѣріемъ тотчасъ умѣлъ онъ воспользоваться, и притворяясь знать чрезъ великаго нашего пророка все то, что имѣло случиться послѣ Меруановой смерти,

и

и что для прекращенія несогласій, могущихъ произойти между провинціальными начальниками въ избираніи новаго царя, велѣно ему было привести къ нимъ съ краю свѣта молодаго Принца, неслыханной храбрости: тогда повелѣвалъ онъ имъ такъ самовластно принять Учимъ-Охантея своимъ царемъ, что никто не осмѣлился ему противорѣчить. Потомъ весьма изрядно описалъ онъ имъ его благоразуміе, а особливо его храбрость, которую ужѐ онъ оказалъ очевидно, и окончалъ свою рѣчь, желая имъ всякаго благополучія въ его государствованіе.

Сія рѣчь говоренная какъ бы пророческимъ духомъ, а притомъ весьма разумно и искусно, и самыхъ невѣроятнѣйшихъ людей обманула. Народъ тысячекратно произ-

произносилъ радостныя восклицанія: да царствуетъ надъ нами и нашими потомками сей молодой воинъ, посланной къ намъ отъ Магомета, и всякой противящейся возведенію его на престолъ, имѣетъ быть причтенъ непріятелемъ великаго пророка. Хотя бы претенденты и не хотѣли допустить на царство Китайскаго Принца, однако не могли бы преклонить къ тому народъ, столько они въ томъ мнѣніи утвердились; но какъ и сами оные претенденты словамъ Мандариновымъ повѣрили, то всѣ единогласно объявили царемъ Учимъ-Охантея, и тотчасъ повели его по всему городу, которой призналъ его за своего государя.

Не можно изобразить, въ какомъ удивленіи былъ сей Принцъ; онъ почиталъ сіе произшествіе,

какъ бы пріятное сновидѣніе, которое тотчасъ оканчивается; но увидя въ ономъ дѣйствительность, принималъ онъ съ важнымъ видомъ отдаваемыя ему почтенія, велѣлъ окончить Меруаново погребеніе, при которомъ хотѣлъ присудствовать самъ съ своими товарищами, и приказавъ вынуть изъ казны сто тысячь чекиновъ, и раздѣлилъ оныя между народомъ.

А чтобъ никто во всемъ городѣ не остался не довольнымъ, новой царь, велѣвши поднять мертвыя тѣла тѣхъ, которыхъ онъ съ своими товарищами лишилъ жизни, приказалъ поставить для нихъ великолѣпную гробницу, и увѣривъ чрезъ Ахмедія, что они наслаждались всѣ воздаяніемъ обѣщаннымъ добрымъ Музульманамъ, хотѣлъ еще утѣшить и фамилію ихъ не

сло-

словами одними, но самымъ дѣломъ, и велѣлъ выдать ихъ вдовамъ, и ихъ дѣтямъ каждому по десяти тысячь золотыхъ чекиновъ.

ДВАДЕСЯТЬ ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Ахмеди и Бакмасъ безъотлучно почти были при Принцѣ, которой во всемъ поступалъ по благоразумнымъ ихъ совѣтамъ: онъ щедро наградилъ прочихъ своихъ дорожныхъ товарищей, и былъ на престолѣ около пяти лѣтъ, весьма любимъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ; но любовь къ отечеству вдругъ возъимѣвъ надъ нимъ свое дѣйствіе, и безпрестанно воображая жестокое безпокойство царя, своего отца о нечаянномъ его отсудствіи, вознамѣрился онъ возвра-

титься въ Китай. Для сего собралъ онъ главнѣйшихъ своего государства, и предложивъ имъ свое намѣренiе, просилъ ихъ о избранiи между ими двоихъ для управленiя государствомъ вмѣстѣ съ Ахмедiемъ и Бакмасомъ до того времени, пока онъ къ нимъ пришлетъ о себѣ извѣстiе, и просилъ еще, естьли паче чаянiя чрезъ три года не получатъ они отъ него никакого извѣстiя, выбрать царемъ, кого они разсудятъ за благо.

Я умалчиваю, милостивой государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, какiя происходили сопротивленiя объ отлучкѣ Принца, и какую оказывали печаль лишиться его; хотя онъ на лицахъ своихъ подданныхъ примѣтилъ крайнее сожалѣнiе, и хотя самъ въ себѣ чувствовалъ

валъ печаль, чтобъ съ ними разстаться, однако онъ остался при своихъ мысляхъ непоколебимо; простился съ шестью своими друзьями, которые хотѣли было сверьхъ его воли за нимъ слѣдовать: взялъ множество золота, и драгоцѣнныхъ каменьевъ, и удалился одинъ, и подъ скрытнымъ именемъ отъ своей столицы. Ахмедію, которой Принца возвелъ на престолъ, всѣхъ чувствительнѣйшее было его отдаленіе: милостивѣйшій государь, говорилъ онъ ему прощаясь съ нимъ, когда ужѐ вы на наши прозьбы не склоняетесь, и я можетъ быть лишаюсь васъ на вѣки, то прошу принять отъ меня сей карбункулъ, [камень] и въ то время отдалъ Учимъ-Охантею драгоцѣнной камень величиною съ орѣхъ, на которомъ вырѣзаны были волшебныя слова: сіяніе солнечное, сказывалъ

онъ ему, не будетъ столько свѣтло, какъ сей камень въ темнотѣ свѣтитъ: онымъ подарилъ меня нѣкоторой славной волхвъ; и я отдаю его въ ваши, милостивой государь, руки, такъ какъ любопытнѣйшую вещь: оной въ такой дальней вашей дорогѣ, можетъ быть, вамъ пригодится. Принцъ Ахмедїевъ подарокъ принялъ, и простясь съ нимъ, предпрїялъ свой путь къ областямъ царя своего отца.

Ничего достопамятнаго съ Китайскимъ Принцомъ въ мимоѣздѣ его многихъ чужестранныхъ дворовъ не случилось. Онъ обыкновенно оставался при оныхъ на нѣсколько времени, и показывалъ себя весьма изрядно: однако весьма ужѐ остерегался отъ расточенїя, которое напредь сего довело было его до такой бѣдности.

На-

Наконецъ чрезъ годъ своего путешествія, какъ моремъ, такъ сухимъ путемъ, прибылъ онъ въ области царя Кюзега: при входѣ въ его столицу была великая площадь, открытая со всѣхъ сторонъ, и которую гораздо пространнѣе здѣлали раззореніемъ древняго капища, которое напредь сего идолопоклонники посвятили нѣкоторому божеству, называемому Пюдорина-Кюзегъ. На самомъ фундаментѣ онаго капища построилъ для себя великолѣпной дворецъ, передъ которымъ поставленъ былъ великой обелискъ изъ черняго мрамора, на которомъ съ одной стороны вырѣзаны были золотыми словами государственныя права, а на другой многія любовныя нравоученія.

Молодой Китайской Принцъ забавлялся разсматривать изрядную

сїю пирамиду, какъ увидѣлъ въ дворцовыхъ окошкахъ двѣ женщины красоты безпримѣрной; онъ увѣдомился, что они были обѣ царскїя дочери, изъ которыхъ большая называлась Модира, а меньшая Гюльпене: первая ему чрезвычайно показалась: но нѣкоторые чужестранцы столь худова про нея ему расказали, что онъ тотчасъ объ ней перестал думать. Сїя Принцесса сказывали ему, никогда въ одинакомъ видѣ не бываетъ; но иногда бѣлокура, иногда черноволоса: она легко можетъ возненавидѣть, и притомъ безъ всякой причины то что нѣсколько дней напередъ весьма чрезвычайно любила. Такое ея сумозбродство почитается ненарушимымъ закономъ во всемъ государствѣ, и она столь властна, и въ такомъ порабощенїи держитъ подданныхъ царя своего отца, что всѣ

всѣ подъ опасенїемъ здѣлаться народнымъ посмѣшищемъ ничего не дѣлаютъ и ничего не говорятъ, что не аппробуетъ безпутная сїя Принцесса.

Что касается до Гюльпене, сказалъ ему одинъ разумнѣйшїй старикъ, то хотя она не столь хороша, однако гораздо еще опаснѣе сестры своей; не возможно почти защититься отъ ея прелестей, она держитъ при себѣ одну старую Арабку, именемъ Куроуму, которая ежечасно перемѣняетъ на себѣ видъ и платья для уловленїя молодыхъ чужестранцовъ, прїѣжжающихъ въ городъ. Сїя опасная Принцесса подлѣ царскаго дворца построила себѣ великолѣпной домъ, здѣлала тамъ преизрядные сады, и множество потаенныхъ лабиринтовъ, въ которыхъ гуляя съ нею

обыкновенно заблуживаются; но какъ скоро выдутъ на маленькую дорожку, осаженную по сторонамъ розами, то увидятъ пространное поле, называемое *лугъ удовольствія*. Въ семъ мѣстѣ больше ужѐ розъ не видно, они всѣ поблекли и завяли, а вмѣсто того находятъ тутъ нѣкоторой овощъ продолговатой и красноватой, и тогда столько теряютъ вкусъ веселья, что всячески стараются изъ онаго мѣста вонъ выттить, чтобъ и никогда опять не возвращаться. Хотя Гюльпене и здѣлала широкой ровъ по конецъ розовой дороги; однако ни единаго человѣка, а особливо изъ мущинъ оной не задерживаетъ.

Оставивши сего разумнаго старика, Принцъ разсуждалъ еще о его рѣчахъ, какъ подошла къ нему одна женщина, покрытая весьма толстымъ покрываломъ.

два-

Двадесять шестая четверть часа.

Другъ мой, говорила сія женщина Принцу, взявъ его за-руку, и отведши къ сторонѣ, ты конечно какой нибудь новопріѣжжей. Я вижу оное по твоему безпристрастію и малому старанію, чтобъ искать себѣ щастія, которое въ здѣшней землѣ для такихъ людей, какъ ты, не рѣдко бываетъ: я хочу тебѣ сказать одно мѣсто, которое здѣлаетъ благополучною твою жизнь: поди только за мною и будь скроменъ.

Учимъ-Охантей будучи весьма любопытенъ, пошелъ за старухою безъ всякаго размышленія; и идучи долгое время, пришелъ онъ наконецъ въ узенькую улицу, по концѣ которой предводительница его отворивъ маленькую дверь, про-

вела его по лѣсницѣ и чрезъ весьма темную аллею въ залъ освѣщенной множествомъ восковыхъ свѣчъ, и украшенной всѣмъ тѣмъ, что можетъ великолѣпнѣе изобрѣсти художество и натура, и притомъ накуренъ былъ благовоннѣйшими порошками. Сія старуха оставивъ его тутъ пошла о приходѣ его объявить своей госпожѣ, а между тѣмъ Принцъ размотривалъ со вниманіемъ всѣ украшенія сего мѣста; но сіе упражненіе тотчасъ онъ оставилъ при входѣ въ залъ одной молодой дѣвицы. Онъ съ одного взгляда ея красотою весь ужè плѣнился, и тотчасъ бросясь къ ея ногамъ, говорилъ ей: сколь мое щастіе достойно зависти, что вы, милостивая государыня, приказали меня привести въ сіи мѣстà, чтобъ клястися вамъ вѣчною любовію! Ничто въ свѣтѣ не можетъ сравнится

ниться . . . . Принцъ хотѣлъ было продолжать, но сія молодая дѣвица тотчасъ его поднявъ, говорила ему пришедши въ великое смущеніе, и отъ стыда покраснѣвши, государь мой, одумайтесь, что вы дѣлаете, не я должна быть причиною такого жестокаго восхищенія, я вить нещастная невольница. Но сколько бы теперь подлое мое состояніе ни было; однако бы я не хотѣла имъ промѣнятся съ госпожею, которая тотчасъ къ вамъ выдетъ. Сколько родомъ она превсходна, столько поведеніемъ, своимъ безчестна, и мнѣ глядя на нея стыдно: приготовляйтесь только соотвѣтствовать ея любви, которою она безъ разбору жалуетъ всѣхъ мущинъ.

Китайской Принцъ слушалъ съ удивленіемъ сію красавицу, какъ

старая невольница, его предводительница, вошла къ нимъ съ Принцессою Гюльпене, которая опираласъ о ея руку. Представте себѣ, милостивой государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, въ какомъ былъ удивленіи и печали Принцъ; онъ будучи ужѐ предупрежденъ о сей Принцессѣ отъ старика попавшагося ему предъ дворцомъ, и отъ сей любезной дѣвицы, такъ остолбенѣлъ, что Принцесса могла бы легко оное примѣтить, однако она привыкши всегда себя ласкать, почла его молчаніе въ добрую сторону.

Хотя она одѣта была весьма щегольски, и Принцъ находилъ въ ней тысячу пріятностей, которыя въ состояніи были бъ плѣнить и самаго нечувствительнѣйшаго; однако не можно себѣ вообразить, съ какою холодностію принималъ онъ

онѣ всѣ ея ласки. Духъ его плѣненъ будучи сею молодою красотою, которой онъ сперва посвятилъ свое сердце, примѣтилъ столько благородства въ поступкахъ ея, и разности съ Гюльпенею, что онъ было и въ самомъ ея присудствїи хотѣлъ дать знаки своей любви сей прелестной дѣвицѣ, но разсудя, что сїя неосторожность можетъ быть лишила бы его взору ея и на вѣки, по возможности себя принудилъ, и притворился на нѣсколько времени отвѣтствовать любовнымъ Гюльпене разговоромъ. Сей Принцъ видя ея поступки стыдился; но не взирая на его къ ней отвращенїе, они столь были приманчивы и прелестны, что, можетъ статься, онъ бы преклонился, естьли бъ одна изъ Принцессиныхъ невольницъ не пришла ей объявить, что

царь,

царь, ея отецъ, желалъ съ нею тотъ же часъ говорить.

ДВАДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Гюльпенѣ сїе помѣшательство досадно было. Я скоро опять приду, сказала она Принцу, а вамъ не скучно будетъ въ компанїи сей дѣвицы. Тогда приказала она той невольницѣ, которую Учимъ-Охантей уже обожалъ, разговаривать съ нимъ до ея возвращенїя, и сама вышла вонъ съ старою Куроумою.

Принцъ опустилъ изъ глазъ Гюльпенею безъ всякой печали, и пользуясь ея отсутствїемъ, вторично бросился онъ на колѣна предъ несравненною сею дѣвицею. Сколь несносно мнѣ казалось, государыня моя, говорилъ онъ ей, то время, которое я пробылъ съ Принцессою!

цессою! Тщетно старается она меня уловить своими прелестьми никогда ей не овладѣть сердцемъ, надъ которымъ вы только одни самодержавную власть имѣете. Государь мой, отвѣчала съ горделивостїю сїя дѣвица: я не столь слаба, какъ Гюльпене, будучи въ теперешней моей безчестной неволѣ, духъ мой гораздо еще вольняе, нежели у нея и царствующее при семъ дворѣ сластолюбїе и праздность, сéрдца моего еще не повредили, оное назначено, такъ какъ и моя рука тому, кто храбростїю своею возвратитъ мнѣ владѣнїе моихъ областей, отмстивши смерть царя, моего отца.

Потекшїя въ сей часъ изъ Принцессиныхъ глазъ слéзы весьма чувствителвно пронзили Принцово сердце: мнѣ ничто невозможнымъ не покажется, прекрасная Принцесса,

цесса, говорилъ онъ ей, чтобъ возвратить вамъ ваше царство; объявите мнѣ только вашихъ непріятелей, и я вамъ докажу, что единородной наслѣдникъ царя Китайскаго не недостоинъ любви вашей. Принцесса глядѣла на Принца весьма присталъно. Ахъ! милостивой государь, говорила она ему: гордость моя тщетно противилась моей къ вамъ склонности, я въ сей часъ усмотрѣла, что вы назначены быть моимъ супругомъ: конечно, Принцъ, я пріемлю васъ себѣ въ защитники, и оное дѣлаю тѣмъ съ большею радостію, что я увѣрена о скоромъ мщеніи злодѣю, которой всѣ нещастія причиняетъ въ моей жизни, въ отсудствіе Гюльпене, продолжала она, успѣю я разказать вамъ обстоятельства моего похожденія. Я знаю за чемъ ея къ себѣ позвалъ царь.

Моло-

Молодой Принцъ, именемъ Атабекъ, прiѣхалъ вчера къ здѣшнему двору для переговора съ царемъ Кювегомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Сей недостойной монархъ не привыкшй видѣть препятствiя въ своихъ веселостяхъ, и сносить войну, которую Атабекъ прiѣхалъ ему объявить съ стороны одного сильнѣйшаго царя, естьли онъ не получитъ себѣ требуемаго удовольствiя: сговорился съ своею дочерью, чтобъ она всячески постаралась своею хитростiю плѣнить сердце сего молодаго Принца; ей конечно въ томъ удастся, и между тѣмъ, какъ она будетъ трудиться въ одержанiи сей новой побѣды, можетъ быть, будетъ мнѣ время объявить вамъ о моихъ нещастiяхъ.

Учимъ-Охантей тысячекратно цѣловалъ руки у сей Принцессы, кото-

которой сіи восхищенія не непріятны были, и посадивъ ево подлѣ себя на софу, начала̀ она слѣдующимъ образомъ.

ПОВѢСТЬ

О Гюльгюли-Шемаме, Принцессѣ Тефлиской.

Я должна, государь мой, рожденіемъ мудрому Гомеръ-Изуфу царю (*) Тефлискому, и Принцессѣ Аннѣ, дочерѣ волхва Залъ-река царя Палабадскаго: но хотя природа моя и знатная; однако я никогда тѣмъ щастливѣе не была, но напротивъ того едва лишъ начала̀ я видѣть свѣтъ, какъ небо устремившееся меня гнать, под-

(*) Тефлисъ, напредь сего Арткаксата, столичной городъ Грузіи.

подвергнуло меня злѣйшимъ нещастіямъ.

Волхвъ Залъ-Река, мой дѣдъ, одаривъ меня при моемъ рожденіи всѣми качествами нужными для Принцессы, одарилъ меня еще и чрезвычайнымъ терпѣніемъ, предвидя конечно, что оная добродѣтель нужнѣйшая для меня будетъ, и назвалъ меня Гюльгюли-Шемаме.

❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧

ДВАДЕСЯТЬ ОСЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Мудрой Гомеръ-Изуфъ, мой отецъ, всевозможное употреблялъ стараніе обучить меня всему нужнѣйшему въ натурѣ и въ законѣ. Въ пятнатцать лѣтъ знала я почти всѣ науки, выключая другихъ рукодѣлій приличныхъ моему

ему полу. Въ одинъ день гуляючи съ царемъ, моимъ отцомъ въ дворцовыхъ садахъ, увидѣла я, что онъ остановился слушать щекотанья многихъ птицъ, и примѣчая, что онъ слушалъ ихъ съ великимъ вниманіемъ, удивилась я, когда онъ вдругъ безъ всякой причины засмѣялся. Такое сумозбродство столь разумнаго человѣка меня крайнѣ удивило: я столько ему докучала объ открытіи мнѣ тому причины, что увѣдомилась, что онъ разумѣетъ языкъ всѣхъ животныхъ, и что двѣ малиновки сказывали другимъ маленькимъ птичкамъ пріятную вѣдомость: а какая то сія вѣдомость, вскричала я смѣючись, думая, что отецъ мой шутилъ? Такая то, сказалъ онъ мнѣ, что лошакъ мельниковъ у Ясминнаго ручья спотнулся, и мѣшокъ, которой былъ у него на спинѣ, про-

прорвался, и высыпалось тутъ много зеренъ. Я просила моего отца, продолжала прекрасная Грузинка, чтобъ онъ меня проводилъ до того ручья. Онъ сїе угожденїе мнѣ здѣлалъ, и я дѣйствительно увидѣла такое множество птичекъ, которые подбирали тамъ разсыпанныя зѣрна, что пришла въ несказанное изумленїе. Я неотступно просила моего отца, чтобъ онъ меня сему языку выучилъ, и оставя почти всѣ другїя науки меньше года знала оной столь же хорошо, какъ и онъ самъ. Не можно понять, государь мой, продолжала Гюльгюли-Шемаме, какое утѣшенїе слышать разные языки животныхъ, въ оныхъ бываетъ тысячю разъ разумнѣе и понятнѣе, нежели въ людяхъ, и я можетъ быть со временемъ раскажу вамъ нѣкоторыя забавныя ихъ шутки,

но

но теперь возвратимся къ моему похожденію.

Я имѣла уже шестьнатцать лѣтъ, и мы ни о чемъ столь мало не помышляли, какъ о наступающемъ намъ нещастіи. Злобной волхвъ именемъ Бизегъ-Эль-(*) Казакъ, по древней своей ненависти на нашу фамилію, напалъ на насъ въ одну ночь съ многочисленнымъ войскомъ. Онъ изрубилъ мудраго Гомеръ-Изуфа, цареву мою мать, и меня равномѣрно хотѣлъ было лишить жизни, какъ сжалясь на мой вопль, или можетъ быть на мое лице, довольствовался онъ меня увезти съ собою, и заперъ меня на одномъ островѣ среди Каспійскаго моря въ каменную башню. Сей островъ охраняемъ

(*) Казакъ на Арабскомъ языкѣ значитъ безчеловѣчной.

емъ былъ неусыпно стрегущими чудовищами: преужасные валы непрестанно били въ берега̀, и ни одинъ смертной не могъ къ онымъ приближиться безъ потерянія живота своего, кромѣ одного только дня въ году̀, въ которой всѣ волхвы, волшебницы и прочіе духи необходимо принуждены были собираться въ Кошинхинскую пещеру, для принесенія отчету въ своихъ дѣлахъ тому, которой былъ у нихъ прошедшей годъ царемъ, и для избиранія на мѣсто его между собою другова.

Невѣрной Казакъ, какъ скоро перенесъ меня въ сію плачевную темницу, то всячески старался умягчить мою печаль весьма учтивыми поступками: отчаяніе мое столь велико было, что я ему дѣлала наиязвительнѣйшіе выговоры,

и столько оказывала къ нему отвращенія, что онъ больше дватцати разъ намѣренъ былъ предать меня смерти; но надѣясь, можетъ быть, что со временемъ утолится ожесточенной мой духъ всему тому, что я ему ни говорила; онъ только смѣялся; и оставя меня въ снѣденіе горестнѣйшей печали, приходилъ только ко мнѣ чрезъ восемь дней; еще и теперь я вся цѣпенѣю, какъ вспомню сію ужасную минуту. Сей злодѣй тщетно старался меня преклонить; но видя, что моя печаль не только не уменьшалась, но еще присутствіемъ его умножалась, пришелъ онъ въ преужасную ярость, и прямо мнѣ объявилъ, чтобъ или я немедленно согласилась на неистовое его намѣреніе, или онъ сожжетъ меня живую.

Сїи угрозы меня не устрашали; я съ великимъ спокойствїемъ видѣла прїуготовленїя къ моей смерти, и шла на оную съ радостїю, какъ волхвъ, которой не намѣренъ былъ лишить меня жизни, опять меня отвелъ въ туже башню: я ѣду въ Кошинхину, сказалъ онъ мнѣ, и оттуда чрезъ двадцать четыре часа опять буду; я еще даю тебѣ сїе время на размышленїе; но естьли не найду тебя къ себѣ склонною, то употреблю ужѐ съ тобою послѣднее насильство.

Я ничего не отвѣчала на сїи злодѣйскїя угрозы, и желая лучше пронзить себѣ сердце, нежели сносить звѣрство сего проклятаго тиранна, видѣла его отъѣздъ, не устрашаясь возвращенїя.

Залъ-реку, моему дѣду, не неизвѣстно было мое заключенїе, и отъ кого оное здѣлано.

ДВАДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Сей волхвъ съ нетерпѣливостїю ожидалъ отсутствїя Казакова; и какъ скоро узналъ объ отъѣздѣ его въ Кошинхину, то силою своего искусства разбилъ густыя облака, которыя закрывали меня отъ глазъ всея землѝ, вынулъ меня изъ ужасной башни, гдѣ я была заключена, и перенести меня на матерую землю, потопилъ онъ при моихъ глазахъ сей островъ, на которомъ проклятой Казакъ имѣлъ свое жилище; и неся меня по воздуху съ невѣроятною скоростїю, поставилъ на пространномъ полѣ, въ виду го́рода Палимбана.

Не можно довольно изобразить тогдашнюю мою радость; я обнимала своего дѣда съ сердечною чув-

чувствительностію. Дочь моя, говорилъ онъ мнѣ, время мнѣ дорого, я долженъ немедленно явиться въ Кошинхинѣ, гдѣ принуждены мы всѣ собраться до возхожденія солнца; я буду тамъ приносить жалобы на твоего гонителя; ты больше не въ его ужѐ власти, изволь теперь искать Принца.... Выговоря сіи словà, продолжала Принцесса заливаясь слезами, Залърека вдругъ остановился. Сильной потъ выступилъ изъ его лицà, и нѣсколько времени былъ онъ безъ языка; но потóмъ очувствовавшись, говорилъ онъ мнѣ тихимъ и слабымъ голосомъ: Ахъ! любезная моя дочь: мой часъ ко мнѣ пришелъ, я вижу, что мечь ангела смерти тотчасъ перерѣжетъ нитку моихъ дней; вся моя наука не можетъ меня освободить, чтобъ не итти отдать отчету во всѣхъ

 моихъ

моихъ дѣлахъ предъ престоломъ самодержавнаго нашего Судїи: но умираючи имѣю я утѣшенїе знать, что одинъ молодой Принцъ, умертвивъ твоего тиранна, на тебѣ женится, и возвратитъ тебѣ похищенныя симъ злодѣемъ области. Тогда дѣдъ мой ударилъ ногою въ землю, и оттуда вышелъ соловой лошакъ въ пребогатомъ уборѣ: вотъ, сказалъ онъ мнѣ умирающимъ голосомъ, и обнявъ меня въ послѣдней разъ, вотъ на чемъ тебѣ ѣхать, куда поведетъ тебя жребїй твой; но только помни, любезная моя Гюльгюли-Шемаме, что ты рождена Принцесса; сїе напоминовенїе заключаетъ въ себѣ всѣ твои должности.

Выговоривъ сїи слова Залъ-река, въ моихъ рукахъ скончался. Разсудите, государь мой, о крайней

моей

моей горести и страхѣ: я лишилась всей моей на свѣтѣ помощи въ самое нужнѣйшее для меня время. Отчаянїе мое еще умножилось, когда увидѣла я невозможность, чтобъ отдать ему послѣднїй долгъ, и я не могла вздумать, чтобъ оставить его тѣло на съѣденїе дикимъ звѣрямъ. Но вдругъ вышла изъ земли великолѣпная яшмовая гробница; я положила тутъ въ кедровой гробъ Залъ-Реку, и заперевъ гробницу, которую омывала я моими слезами, увидѣла вдругъ на воздухѣ мѣдную доску, представляющую безчеловѣчнаго Казака, у котораго голова была отрублена, и одного молодова человѣка; какъ оное изображенїе было очень высоко, то не могла я разглядѣть лица побѣдителя надъ моимъ тираномъ; но только примѣтила, что на лѣвой рукѣ не было у него

одного пальца, и какъ прежде, нежели начала̀ я вамъ разсказывать мои нещастїя, примѣтила я, что у васъ на оной рукѣ не доставало пальца; то разсудила я, что это вы, государь мой, котораго избралъ великїй пророкъ для моего отмщенїя, и тогда безъ сопротивленїя отдалась всей горячности, которую заслуживаетъ будущей мой супругъ.

Китайской Принцъ, милостивой государь, продолжалъ бенъ-Эридунъ, бросился тотчасъ къ ногамъ Принцессы Тефлиской; онъ не могъ найти довольныхъ словъ для изъясненїя своей радости: но она поднявъ его съ ласкою, сказала ему прїятнымъ видомъ: не мѣшайте мнѣ пользоваться отсутствїемъ Гюлпене, чтобъ окончать вамъ мою исторїю; послѣ найду

я

я довольно времени для соотвѣтствованія вашей любви, отъ которой все благополучіе моей жизни зависитъ. Потóмъ Принцесса начавъ свою рѣчь, продолжала слѣдующимъ образомъ:

Я сѣла на моего лошака, и отъѣхавъ около трехъ миль безъ всякаго особливаго приключенія, какъ однимъ утромъ остановилась я, чтобъ его напоить въ ручейкѣ, въ которомъ вода чрезвычайно была свѣтла; но лошакъ мой и подойти только къ оному не хотѣлъ: я же, имѣя тогда великую жажду, и не зная, какія могли произойти слѣдства отъ питія сей воды̀, съ лошака слезла и почерпнула воды̀ въ пригоршни. Какъ лишъ скоро поднесла ко рту, то тотчасъ упала навзничъ. Я не знаю, государь мой, что тогда

со мною дѣлалось, только знаю, что опомнившись, какъ бы послѣ обморока, была я въ рукахъ у превеликаго чернаго мужика, у котораго нижняя гу́ба закрывала почти всю бороду, столь она была толста! Я увидя сïе чудовище съ ужасу закричала; но онъ только лишъ захохоталъ, и бросивъ меня въ большей кожаной мѣшокъ, оной задернулъ, и веревки отъ онаго положилъ подъ лѣвую свою руку, и я не знаю, куда было хотѣлъ онъ меня нести, какъ одинъ человѣкъ такого малаго роста, чтобъ легко могъ пройти сквозь его ноги, скакалъ весьма поспѣшно на лошади по своему же росту, и кричалъ сему Арапу и́здали еще: постой жестокой Козаибъ, пора ужè твое тиранство прекратить.

ТРИДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Козаибъ, такъ назывался сей престрашной уродъ, сперва ни во что ставилъ угрозы сего маленькаго человѣка; но какъ онъ къ нему сталъ подъѣжжать поближе, то я чувствовала по движенїю его руки, что онъ весь дрожалъ. Онъ повѣсилъ тотчасъ мѣшокъ, въ которомъ я была на деревѣ, а самъ прїуготовлялся къ оборонѣ съ желѣзною дубиною съ стальнымъ въ концѣ копьемъ. Что касается до меня, то я не со всѣмъ еще ума лишилась, кинжаломъ, которой у меня былъ на поясу, прорѣзала я на мѣшкѣ большую дыру, чтобъ видѣть сїе сраженїе, въ которомъ со всѣмъ я почитала быть побѣдителемъ Арапа; но разсудите о моемъ удивленїи, какъ по долговременномъ съ обѣихъ сторонъ сопротивленїя, сей маленькой воинъ

отрубилъ своею саблею однимъ махомъ объ ноги у своего непрїятеля, а потомъ и голову отъ тѣла отдѣлилъ. Не возможно изобразить, какъ рада я была толь нечаянной побѣдѣ; я прорѣзала мѣшокъ, чтобъ выставить можно было голову, и благодарила короткими словами моего избавителя за чувствительное его мнѣ одолженїе.

Сей маленькой человѣкъ удивился, видя меня въ семъ образѣ. Онъ досадовалъ, что ему не можно было достать моего мѣшка; но я проворнѣе будучи на выдумки, нежели онъ, разрѣзала мѣшокъ, и здѣлавъ изъ него два толстые и широкїе ремня, спустилась по онымъ на землю не ушибившись. Государыня моя, говорилъ мнѣ тогда маленькой карла: сколь я ни чувствую удовольствїя, что поспѣлъ

спѣлъ толь къ стати для избавленія васъ отъ жестокости Козаибовой; однакожь я не имѣлъ такого щастія, чтобъ спасти вашу жизнь, естьли бъ не долженъ я былъ мстить за сестру, которая весьма ужѐ давно терпитъ мучительство сего злодѣя, котораго я теперь умертвилъ. Сей нечаянной случай, отвѣчала я, для меня очень щастливъ; но, государь мой, простите мое любопытство, какъ возможно, чтобъ будучи вы съ Козаибомъ столь неравны, могли его лишить жизни? Весьма легко, государыня моя, отвѣчалъ маленькой человѣкъ, вамъ здѣлать удовольствіе, естьли хотите вы ѣхать въ Ахемъ, гдѣ царствуетъ мой отецъ; а я обѣщаюсь дорóгою разсказать вамъ причины моего мщенія, и какою чрезъестественною помощію могъ я побѣдить проклятаго

шаго Козаиба. Я сѣла на моего лошака, продолжала Гюлгюли-Шемаме, и свободитель мой расказывалъ мнѣ слѣдующее:

ПОВѢСТЬ

о Буламанъ-Сангъ-Гирѣ Принцѣ Ахемскомъ.

Кто бы подумалъ, государыня моя, видя мой ростъ, что я рожденъ отъ великанши? Однако оное самая правда, я долженствую рожденїемъ Фагъ-Гурѣ, Принцессѣ Серендибской, которая ростомъ около осьми футовъ; но надобно вамъ сказать, что напротивъ того отецъ мой Кутеръ-Аасмай, царь Ахемской, еще гораздо меньше меня.

Любовь все равнымъ дѣлаетъ. Отецъ мой во время своего путешествїя,

шествія влюбясь, страстно въ Фагъ-Гурію, не думалъ, что она для него очень велика, и Принцесса, моя мать, склонясь на его любовныя обнадеживанія, что онъ ея будетъ любить во всю свою жизнь, не примѣтила, какое было въ ихъ ростѣ неравенство. Какъ она надъ собою была властна, потому что царь, ея братъ, которой царствовалъ тогда въ Серендибѣ, былъ еще только семи лѣтъ, то она за моего отца вытти согласилась.

Мать моя, послѣдуя пигмейской модѣ, изъ которой стороны были предки моего отца, чрезъ четыре мѣсяца съ половиною послѣ своего брака, родила меня, и дали мнѣ имя Буламанъ-Сангъ-Гиръ: но какъ она понесла въ своей утробѣ вдругъ два робенка, то еще спустя четыре мѣсяца съ полови-

нòю

ною родила дочь, которая по своему великому росту и хорошему стану названа была Агазиръ: такимъ образомъ хотя мы съ сестрою родились въ разныя времена и разной величины, однакожъ мы были двойништные.

Когда Агазиръ пришла въ замужной возрастъ, то о красотѣ ея такая разнеслась слава, что многїе сосѣднїе наши владѣтели желали съ нею сочетаться бракомъ; но одинъ изъ нашихъ свойственниковъ, именемъ бадемъ, царь Педирской, получивъ преимущество надъ всѣми другими, надѣялся было въ скоромъ времени совершить свое желанїе, какъ по нещастїю проклятой Козаибъ страстно въ Агазиру влюбился. Отказъ, учиненной ему отъ царя, моего отца, привелъ его въ несказанную ярость.

Онъ

Онъ объявилъ всенародно, чтобъ никто не отваживался сочетаться бракомъ съ Принцессою, подъ опасенїемъ его гнѣва: но симъ его угрозамъ только лишь смѣялись, и отецъ мой, желая сочетать Бадема съ моею сестрою, пошелъ съ ними на Пагодъ.

Нѣкоторая часть церемонїи была ужè совершена. Бонзъ прочиталъ всѣ молитвы, и Бадемъ хотѣлъ было дать руку Агазирѣ, какъ вдругъ къ крайнему всѣхъ предстоящихъ удивленїю, здѣлался онъ неподвиженъ, и превратился въ мраморную бѣлую статую.

ТРИДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Такое печальное приключенїе привело въ ужасъ моего отца и весь дворъ. Сестра моя, любивъ горячо

горячо бадема, едва было съ горести не умерла; и храбрѣйшїе въ Ахемѣ жители, видя сколь чувствителенъ моему отцу былъ сей ударъ, вознамѣрились искать Козаиба, чтобъ его умертвить: но изъ всѣхъ тѣхъ, которые за онымъ дѣломъ ѣздили, я только лишъ одинъ живой оттуда возвращаюсь. Надобно знать, государыня моя, продолжалъ Принцъ, что къ нашимъ областямъ нѣтъ другова проѣзда сухимъ путемъ, кромѣ одного того мѣста, гдѣ происходило мое сраженїе съ Козаибомъ. Сей злодѣй, какъ я ужѐ узналъ послѣ, безъ сомнѣнїя ожидая, что его будутъ искать для наказанїя его злодѣйства. Очаровалъ оное мѣсто, которое чародѣйство конечно вы надъ собою чувствовали. Какъ скоро кто туда подъѣдетъ, то нестерпимая жажда принудитъ пить

изъ сего опаснаго источника, котораго вода тотчасъ лишаетъ всѣхъ чувствъ, и многїе Ахемскїе храбрые люди повидимому отъ сего коварства погибли, которое предавало ихъ въ ру́ки Козаибу. Наконецъ сестра моя дошла было до того, чтобъ быть его жертвою, какъ третьяго дня гуляючи я въ дворцовыхъ садахъ по берегу канала, нашелъ я тамъ маленькаго мальчика лѣтъ около девяти или десяти, которой всячески старался вынуть изъ раковины маленькую черепаху, и не въ силахъ будучи онаго здѣлать, бросалъ оную многократно о большой камень. Раковина у сей черепахи такъ блистала, что казалось, будто она унизана брилїантами. Я отнялъ ея изъ рукъ сего мальчика, и глядѣлъ на нея съ удивленїемъ, какъ послышалось мнѣ, что она произноситъ нѣко-

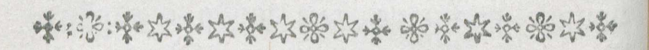
нѣкоторыя жалобы; я поднесъ ея къ уху, и дѣйствительно услышалъ, что она просила меня бросить ея опять въ каналъ. Я сперва видя такой странной случай, нѣсколько ужаснулся, и сколько мнѣ ни хотѣлось оную удержать у себя, однако не привыкши къ равномѣрнымъ прозьбамъ, тотчасъ ея послушалъ; и только лишь сїю черепаху бросилъ, какъ увидѣлъ, что она опять вынырнула, и благодарила меня за такую ей оказанную услугу. Проси у меня чего ты хочешь, говорило мнѣ сїе малое животное, ты увидишь самымъ дѣломъ, сколь чувствительна волшебница Мюлладина за твое къ ней великое одолженїе. Я нѣсколько времени былъ неподвиженъ, продолжалъ буламанъ-Сангъ-Гиръ, но поощряемъ будучи моимъ отмщенїемъ, отвѣчалъ ей: вспомогательная

ная волшебница, когда вы за велико ставите такое малое благодѣянїе, то униженно васъ прошу, сыскать способъ свободить мою сестру и Принца бадема отъ гоненїя Козаиба: подожди меня не много здѣсь, отвѣчала черепаха, я поищу нужнаго для тебя способа. Тогда спряташись на нѣсколько времени въ воду, вынырнула потомъ опять, держа въ малыхъ своихъ лапахъ саблю, которую я на сраженїе употребилъ, и увѣдомивъ меня о причинѣ очарованнаго источника, велѣла мнѣ съ Козаибомъ биться, и не ожидая моего отвѣта, нырнула опять въ каналъ.

Я ни мало не сомнѣвался слѣдовать Мюлладинову повелѣнїю, продолжалъ маленькой Ахемской Принцъ; я пошелъ на отмщенїе

съ

съ крайнею охотою, не взирая на запрещенїе царя и царевы, которые почитали смерть мою извѣстною, и успѣлъ весьма къ стати, чтобъ васъ, государыня моя, освободить отъ звѣрства сего злодѣя.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

о Гюльгюли-Шемаме Принцессѣ Тефлиской.

Какъ Принцъ окончилъ свою исторїю, продолжала прекрасная Грузинка, то прїѣхали мы ко двору Кутеръ-Асмая, царя Ахемскаго.

Тамъ почитали мечтанїемъ явленїе Принцу волшебницы Мюлладины, и столько сомнѣвались о успѣхѣ его сраженїя, что плакали о его смерти, какъ увидѣли, что

царь Педиръ опять сталъ попрежнему человѣкомъ. Сей монархъ, которой перестаалъ быть статуею, въ самое то время, какъ оное чудовище издохло, вышелъ встрѣтить насъ съ царемъ, съ царевою и Принцессою Агазирою. Какъ скоро услышали отъ Принца обстоятельства его побѣды, которое подтвердила и я, то вездѣ видна была только радость, каждой поспѣшалъ итти посмотрѣть онаго Арапа, которой будучи ужѐ мертвъ, имѣлъ еще нѣсколько въ себѣ столь страшнаго въ своемъ лицѣ, что и самыхъ небоязливѣйшихъ людей устрашало. Царь велѣлъ разложить большой огонь, въ которой бросили тѣло сего злодѣя, и приказавъ поставить въ семъ мѣстѣ вѣчной знакъ побѣды Ахемскаго Принца, праздновалъ благополучной сей день съ великимъ торжествомъ.

бадемъ

бадемъ, и достойная его супруга осыпали меня знаками своего дружества, и я бы охотно прожила у нихъ долгое время, когдабъ будучи непрестанно поощряема ко отмщенію, не вознамѣрилась искать моего свободителя.

Буламанъ-Сангъ-Гиръ съ превеликимъ принужденіемъ согласиться могъ, чтобъ меня отъ себя отпустить; онъ страстно въ меня влюбленъ былъ: но хотя онъ съ малымъ своимъ ростомъ и весьма пріятенъ былъ, имѣлъ много разума, и я долженствовала ему животомъ; однако довольно вѣдая, что не онъ назначенъ былъ для отмщенія моему тиранну, крайнѣ просила я его, чтобъ онъ о любленіи меня не помышлялъ.

ТРИДЕСЯТЬ ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Маленькой Принцъ чють было у моихъ ногъ не умеръ, однако преодолѣлъ себя въ томъ и довольствуясь однимъ моимъ къ нему почтенїемъ, онъ смотрѣлъ на отъѣздъ мой по видимому съ крайнимъ спокойствїемъ.

Я на то рождена, государь мой, чтобъ мнѣ попадать изъ нещастїя въ нещастье. Лишъ только отъѣхали мы полтораста миль, какъ напалъ на наше судно одинъ славной морской разбойникъ; какъ число нашихъ людей противъ его было гораздо меньше, то принуждены мы были побѣдителю здаться и не безъ пролитїя слезъ видѣла я себя еще лишенною вольности; но вскорѣ послѣ того не

столько причины имѣла я жаловаться какъ Фарукъ, такъ назывался оной морской разбойникъ, подошедъ ко мнѣ съ нѣкоторымъ подобострастїемъ необыкновеннымъ званїя его людямъ, говорилъ мнѣ весьма учтивымъ образомъ: не справедливо бъ было, государыня моя, чтобъ такїя прекрасныя руки отягощены были цѣпями: вы съ сего же часа свободны: щастливъ бы я былъ, естьлибъ и сердце ваше столько же свободно было, какъ ваша персона и когдабъ мое почтенїе и угодность заслужила мнѣ со временемъ вашу любовь!

Сколь ни удивително показалось мнѣ толь скорое и живое объявленїе любви, однако я почла за нужно притворяться съ Фарукомъ: я дала ему своимъ видомъ нѣкоторую

торую надежду быть склонною къ его любви, и по сему случаю пользовалась я совершенною вольностїю.

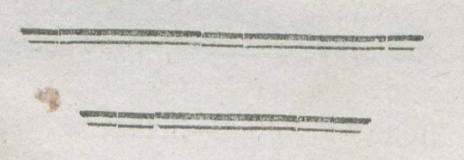
Я начала̀ употреблять мою власть надъ его духомъ освобожденїемъ изъ цѣпей не только всѣхъ тѣхъ, которые находились на нашемъ суднѣ, но и еще нѣкоторыхъ невольниковъ, захваченныхъ при другихъ случаяхъ. Онъ здѣлалъ для меня больше; онъ отдалъ имъ половину отнятаго у нихъ имѣнїя; посадилъ ихъ на маленькое судно; далъ имъ оружїя и провїанта; позволилъ ѣхать имъ куда они хотѣли, и изъ всѣхъ своихъ плѣнныхъ оставилъ только у себя одну молодую Индїанку, да и то только для того, чтобъ мнѣ одной не скучно было.

Сїя дѣвица, продолжала Тефлиская' Принцесса, была красоты

прелестной. Величавая походка, благородной видъ, живость глазъ, уста прекрасныя, зубы чрезвычайно бѣлые, волосы черные, лице бѣлизны безпримѣрной и прекрасная грудь дѣлали ея наисовершеннѣйшею въ своемъ родѣ. И при толикихъ совершенствахъ имѣла она еще прїятную рѣчь, которая всѣ сердца̀ восхищала.

Сколько я печальна ни была, а молодая Индїанка еще больше меня печалилась, прекрасные ея глаза̀ непрестанно наполнены были слезами; и хотя я многократно ея уговаривала, однако не имѣла сперва въ томъ успѣха. Я представляла ей, что я можетъ быть сама гораздо нещастливѣе ея, но что уступая времени, чрезъ великую силу принуждена была таить мою печаль отъ Фарука. Ахъ! госуда-

сударыня моя, говорила она мнѣ, я не имѣю такой силы разума какъ вы, и не могу себя такимъ образомъ переломить; теперешнее мое состоянїе приводитъ меня въ отчаянїе. Я просила любезную сїю дѣвицу объявить мнѣ причину столь чувствительной печали. Избавьте меня, государыня моя, отвѣчала она мнѣ, отъ такой повѣсти, которая совсѣмъ не достойна вашего слушанїя. Наконецъ, продолжала Гюль-Гюли-Шемаме, я столько разъ обнимала молодую сїю Индїанку, мѣшая мои слёзы вмѣстѣ съ нею, что принудила ея говорить мнѣ слѣдующимъ образомъ:

ПОВѢСТЬ

о Саче-Карѣ Принцессѣ Борнейской.

Брюнинкгиръ царь борнейской сочетавшись съ Гюльбеасою Принцессою Суматраскою, имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, изъ которыхъ я меньшая. Царь и царева живучи между собою въ пребезмѣрной любви, чрезъ двенатцать лѣтъ послѣ своего брака скончались; и слѣдовательно оставили насъ весьма въ молодыхъ еще лѣтахъ: хотя сестра моя была тогда только девяти лѣтъ, а я моложе ея однимъ годомъ, однако намъ весьма чувствителенъ былъ сей уронъ; и печаль наша только тѣмъ уменьшалась, что мы всегда неразлучно были съ сестрою.

Кіонлукъ, царь Жавской, которой женатъ былъ на сестрѣ моей матери,

матери, и котораго просила она о неоставленіи насъ, пріѣхалъ самъ въ борней, онъ оставилъ тамъ намѣстника и отвезши насъ съ собою въ Жаву, поручилъ насъ въ смотреніе царевѣ своей супругѣ.

Сей монархъ имѣлъ одного только у себя сына годомъ постарѣе большой моей сестры. Онъ непрестанно былъ при ней, и казался видѣть съ удовольствіемъ, что Сирма [имя моей сестры] соотвѣтствовала нѣжнымъ его ласкательствамъ: да и трудно бы ей было отказать въ своемъ сердцѣ Принцу, одаренному всѣми добрыми качествами. Онъ собою былъ весьма пригожъ, и имѣлъ нѣчто въ взглядѣ своемъ столь прелестнаго, что не можно было на него глядѣть, не полюбя его: но больше всего склонило къ нему мою сестру хорошей его разумъ

Царь Жавской любилъ нашу мать въ ея дѣтяхъ: онъ хотѣлъ было напредь сего, какъ мнѣ сказывали, на ней жениться: но будучи долгое время въ весьма опасной болѣзни, такъ что многократно и жизнь его была въ отчаянїи, онъ весьма удивился по своемъ выздоровленїи слышать, что его предупредилъ царь Борнейской нашъ отецъ, и что царь Суматраской склонился отдать свою дочь за него. Онъ чрезвычайно отъ того запечалился; но какъ Принцесса Гюльнадъ-Гаре меньшая сестра моей матери была живой образъ своей старшей, то Кїонлукъ для утѣшенїя своего въ своемъ уронѣ, желалъ сочетаться бракомъ съ нею, и получа легко свое желанїе, имѣлъ онъ отъ нея сына Самиръ-Агиба, которой былъ образецъ всѣхъ совершенствъ.

Сему

Сему Принцу было ужѐ больше дватцати лѣтъ, и царь, его отецъ, вздумавъ его женить, обратилъ намѣренїе свое на Принцессу биснагарскую единородную наслѣдницу царства тогожъ имени.

Въ самомъ дѣлѣ сей бракъ столь выгоденъ былъ для Принца Жавскаго, что Кїонлукъ думалъ весьма довольну быть его сыну симъ союзомъ: онъ сказывалъ ему о своемъ намѣренїи, чтобъ отправить пословъ къ царю бизнагарскому для полученїя ему въ бракъ Принцессы: но онъ увидѣлъ Принца столь задумавшагося отъ сего предложенїя, что легко могъ догадаться, сколь ему оное непрїятно было. Обязательство тебя, можетъ быть, устрашаетъ, сынъ мой, говорилъ онъ ему съ тихостїю, но когдабъ ты зналъ Прин-

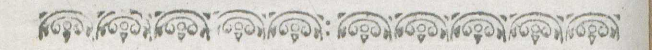
цессу бисингарскую, которой и имя дано Доней (*) Керинъ только для того, что нѣтъ ничего въ натурѣ ея превосходнѣе, то бъ ты скоро перемѣнилъ твое намѣренїе. Я даю тебѣ на размышленїе сроку одинъ мѣсяцъ; а по прошествїи онаго, дай мнѣ на то отвѣтъ, и пожалуй постарайся, чтобъ я доволенъ быть могъ твоимъ послушанїемъ.

Принцъ, поклонясь своему отцу весьма низско, не говоря ни одного слóва, вышелъ отъ него въ свой покой, и разгулявъ не много свое смущенїе, пришелъ онъ къ намъ. Онъ нѣсколько времени глядѣлъ на насъ печальнымъ взоромъ не говоря ничего, но Сирма увидя текущїя изъ глазъ его слéзы, спрашивала съ прїятностїю о причинѣ его печали: Ахъ! государыня моя, гово-

(*) Зрѣлой жемчугъ.

говорилъ ей Самиръ-Агибъ умноживъ свои слезы, какой мучительной приказъ получилъ я! Царь Жавской назначиваетъ меня Принцессѣ биснагарской, и мнѣ только дано сроку одинъ мѣсяцъ, чтобъ склониться на такой бракъ, которой всю мою жизнь здѣлаетъ нещастливою, когда не буду я имѣть столько силы, чтобъ противиться волѣ моего отца. Сестра моя, продолжала Саче-Кара, обезумѣла, слыша сїю вѣдомость, она глядѣла пристально на Принца, и видя его въ крайнемъ мученїи, ахъ! Самиръ-Агибъ, говорила она ему, сколь я буду нещастлива, ты послушаешся, и я столь тебя много люблю, что пользы твоей не хочу отсовѣтывать, что стоитъ борнео въ разсужденїи бизнагара, и какъ можно сравнить незрѣлой жемчюгъ съ

зрѣлымъ . . . . Постой, государыня моя, вскричалъ Принцъ Жавской, мнѣ всякое сравненїе несносно, никогда Доней-Керина, сколь бы она достойна ни была, не будетъ имѣть ни моей рукй ни моего се́рдца: одно и другое представлено только Сирмѣ, и я лучше умру, нежели нарушитъ столь часто повторяемыя мои вамъ клятвы.

Тридесять третїя четверть часа.

Сколь разговоръ сей былъ нѣженъ и великодушенъ, и сколь сестрѣ моей чувствителны были новыя обнадеживанїя Принца двоюроднаго ея брата! Онъ приходилъ ежечасно къ ней для увѣренїя о своей любви, и прошло ужѐ боль-

ше

ше трехъ недѣль даннаго ему на размышленїе отъ Кїонлука срока, какъ въ одинъ вечеръ сей монархъ гуляючи въ дворцовыхъ своихъ садахъ, увидѣлъ Принца своего сына, которой шелъ одинъ въ маленькой лѣсокъ: онъ примѣтилъ, что сынъ его здѣлался печаленъ, задумчивъ, и что всегда искалъ уединенїя съ того времени, какъ онъ ему говорилъ о прекрасной Доней-Station Керинѣ. Онъ хотѣлъ узнать тому причину, и приказавъ своимъ придворнымъ остаться тутъ, скрылся онъ за полисадникъ, откуда легко могъ онъ Самиръ-Агиба видѣть и слышать.

Сей Принцъ думая быть одинъ впалъ тотчасъ въ глубокое размышленїе: потомъ касалось, что онъ слушалъ со вниманїемъ маленькихъ птичекъ, наполняющихъ воз-

духъ пріятнымъ своимъ пѣніемъ. Щастливыя птицы! говорилъ онъ къ нимъ, вы въ любви своей не принужденны, и никакихъ другихъ законовъ не знаете, кромѣ собственной вашей склонности, простирайте далѣе пріятное ваше пѣніе; мой духъ терзаемой мучительнѣйшею горестію не можетъ видѣть безъ зависти вашего щастія, которое только лишъ возобновляетъ мои мученія. Время приближается, продолжалъ онъ печальнымъ голосомъ, въ которое долженъ я дать отвѣтъ царю моему отцу. О небо, какъ могу ему я объявить страсть толь противную его величеству! Принцесса биснагарская конечно склонится на его предложенія; но кто иная кромѣ Принцессы борнейской можетъ тронуть толь нечувственное сердце, какъ моя? Видны ли на какихъ или

бо розахъ столь живые цвѣты, какъ блистающая тѣнь прекрасной Сирмы? И сыщутся ли въ комъ либо сїи божественныя красоты сїяющїя на ея лицѣ? Не думайте, всѣ вы смертные, превзойти несравненную мою Принцессу, она заслуживаетъ предписывать законы цѣлому свѣту . . . До чего довела меня моя страсть, прерывалъ съ горестїю Самиръ - Агибъ самъ свою рѣчь! Ахъ! чѣмъ больше сїя Принцесса прелестнѣе, тѣмъ большихъ слезъ мнѣ стоитъ лишенїе ея, могу ли я пылать лучшимъ огнемъ! Ахъ! прекрасная Принцесса Борнейская, ты еще не довольно имѣешь власти надъ моимъ сердцемъ, толь горячая любовь, какъ моя, долженствуетъ примѣромъ служить цѣлому свѣту: прерви мое несносное молчанїе, постараемся склонить къ себѣ, царя моего

моего отца, а ежели мои прошенія, моя униженность и мои слёзы не могутъ его умилостивить, докажемъ чрезъ отчаяніе, что часто бываетъ опасно раздражить молодаго человѣка, которой почитаетъ смерть концемъ всѣхъ своихъ нещастій.

Самиръ-Агибъ вышелъ изъ лѣску въ семъ намѣреніи, оставя Кіонлука разговорами своими въ великомъ удивленіи и печали. Принцъ его сынъ былъ ему гораздо милъ; онъ меня и сестру любилъ горячо, продолжала Саче-Кара; но полученія царства биснагарскаго склоняло его на сторону Доней-Керины. Между тѣмъ пошелъ онъ оттуда въ великомъ недоумѣніи, и пришедши во дворецъ заперся онъ въ свой покой не хотя ни съ кѣмъ говорить: онъ былъ въ великомъ бес-

беспокойствѣ весь тотъ день и слѣдующую ночь: но предпочитая лучше удовольствїе своего сына, нежели свое собственное, чтобъ совокупить его съ Доней-Кериною, онъ не сомнѣвался болѣе, что ему дѣлать должно было, и велѣлъ къ себѣ позвать Самиръ-Агиба: сынъ мой, говорилъ онъ ему, я знаю, что у тебя на сердцѣ: ты любитъ Сирму, и сколько бъ я ни имѣлъ причины сопротивляться сей вашей любви, однако я оную похваляю, потому что, по твоему мнѣнїю, зависитъ отъ оной благополучїе твоей жизни: но какъ въ разсужденїи власти, которую имѣю я надъ Принцессами Борнейскими, можетъ быть, подумали бъ иные, что я для вашего бракосочетанїя употребилъ принужденїе, то надобно въ ономъ принять такїя мѣры, которыя до моей бы чести не касались.

ТРИДЕСЯТЬЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Самиръ-Агибъ слыша сїе удивился чрезвычайно. Онъ закраснѣлся, потупилъ глаза̀, и былъ нѣсколько времени безотвѣтенъ противъ царя, своего отца, опасаясь, что сей монархъ не съ умыслу ли оное говорилъ, чтобъ вывѣдать изъ него страсть его къ Сирмѣ; но потóмъ собравшись съ разумомъ, примѣтилъ онъ на лицѣ Кїонлука столько чистосердечїя и искренности, что бросясь ему въ нóги, говорилъ ему, Ахъ! милостивѣйшїй государь, чемъ могу я отслужить за такое ваше ко мнѣ милосердїе? Вы возвратили мнѣ жизнь въ самое то время, какъ бы можетъ быть я предался жесточайшему отчаянїю; конечно, родитель мой, я Сирму люблю чрезмѣрно: соединяющая насъ кровь,

такъ

такъ соединила сердца наши, что развѣ единая смерть можетъ разрѣшить толь тѣсной союзъ; и когда Ваше Величество изволите на оное соглашаться, то есть надежной способъ, чтобъ не повредить онымъ чести Вашей: Принцесса въ такихъ уже лѣтахъ, что можетъ владѣть престоломъ: позвольте, милостивѣйшій государь, чтобъ я возвелъ ея на прародительской престолъ, я хочу ея получить самопроизвольно въ Борнеѣ, и надѣюсь, что она на мое предложеніе склонна будетъ изъ единой только любви.

Какъ страсть твоя разумна на выдумки! отвѣчалъ Кіонлукъ обнявъ Принца своего сына, поди же объявить сію вѣдомость Принцессѣ самъ, и вели пріуготовлять все надобное къ отъѣзду ея въ Борнео.

Я была у моей сестры̀, продолжала молодая Индѣйская Принцесса, какъ Самиръ-Агибъ вошелъ въ ея покои. Радость блистала въ его глазахъ и онъ столько восхищенъ былъ разговоромъ, происходившимъ съ царемъ его отцомъ, что онъ не могъ долгое время ничего выговорить. Онъ ставъ на колѣна цѣловалъ Сирмины ру́ки съ великимъ восторгомъ: прекрасная Принцесса! говорилъ онъ ей, теперь то все ужѐ спѣшитъ къ моему благополучїю, о Доней-Керинѣ нѣтъ больше сло́ва, вы теперь царева Борнейская, и мнѣ сей часъ приказано все прїуготовлять для возведенїя васъ на престолъ; тамъ ужѐ будете вы самовластною въ вашихъ склонностяхъ, и тамъ хочу я умереть невольникомъ вашимъ. Сестра моя такой вѣдомости несказанно обрадовалась; она Самиръ-

Агиба

Агиба подняла, и говорила ему съ пріятностію: любезной мой братъ, воля моя всегда покорена будетъ вашей, потому что съ сего же времени почитаю я васъ моимъ царемъ и моимъ супругомъ, и что вѣчно щастливѣйшею себя почитать стану, когда буду отъ васъ любима.

Я будучи сама при семъ ихъ разговорѣ чувствовала отъ того несказанное удовольствіе, продолжала Саче-Кара, оной окончился новыми обнадеживаніями о взаимной любви, и потомъ Принцъ пошелъ для пріуготовленія къ нашему отъѣзду, которой назначенъ былъ чрезъ двѣ недѣли: между тѣмъ временемъ приходили къ моей сестрѣ на поклонъ знатнѣйшіе Жавскіе господа каждой изъ нихъ для угожденія молодому Принцу,

знaя

зная его страсть приносилъ новой царевѣ Борнейской великолѣпные подарки и нашъ покой, въ которой до того обыкновенно хаживалъ одинъ, только Самиръ-Агибу здѣлался для всѣхъ отворенъ до нашего изъ Жавы отъѣзду.

Вотъ, государыня моя продолжала молодая Индѣйская Принцесса начало моихъ нещастїй. Одинъ жидъ именемъ Исаакъ-Миръ, какъ я послѣ провѣдала, пользовался сею вольностїю. Онъ меня видѣлъ, я по нещастїю ему полюбилась, и сей грубїанъ отважился какъ нибудь меня достать. Не зная же какимъ бы способомъ исполнить свое намѣренїе, бросился онъ къ славной волшебницѣ, именемъ Дубанѣ, и обѣщалъ ей знатную сумму, естьли она своимъ искусствомъ можетъ меня склонить къ нему въ любовь.

Дубана подъ видомъ внѣшняго смиренія вкралась во дворецъ, познакомилась съ нѣкоторыми изъ моихъ невольницъ, и уговорила ихъ съ моего позволенія итти погулять въ маленькой домикъ, которой у ней былъ на прекрасномъ мѣстѣ, называемомъ *розопой источникъ*, потому что дѣйствительно тамъ былъ одинъ ключь, которой вытекалъ изъ подъ розоваго куста, на которомъ чрезъ цѣлой годъ цвѣты были. Сей домъ отъ Жавы не далѣе двухъ миль разстояніемъ былъ. Невольницы мои по своемъ возвращеніи столько прелестнаго мнѣ объ ономъ насказали, что я сама любопытна была оной посмотрѣть. Я приглашала съ собою ѣхать мою сестру; но она упражнялась въ пріуготовленіяхъ къ своему отъѣзду, и я дала знать Дубанѣ, что буду завтрешней день

къ

къ ней въ загородной домъ съ восьмью только моими невольницами и двенатцатью черными евнухами.

ТРИДЕСЯТЬ ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я принята была сею обманщицею со всякимъ по видимому искреннимъ почтенїемъ. Осмотрѣвъ всѣ покои, которые казались мнѣ весьма чисто убраны, сошла я въ садъ какъ былъ еще тогда чрезвычайной жаръ. Дубана подала мнѣ покрывало розоваго цвѣта, я его надѣла на голову: но едва лишъ имъ покрылась, какъ почувствовала въ себѣ неизвѣстной мнѣ до того огонь, разливающейся по всѣмъ моимъ жиламъ, я сама не знала что чувствовала; нѣжная слабость о владѣла всѣми моими чувствами, и я стыдилась приходя-

щихъ

щихъ мнѣ тогда на умъ мыслей. Наконецъ, государыня моя, отдалилась я одна отъ моей свиты, размышляя о чрезвычайномъ тогдашнемъ моемъ состоянїи. Стыдъ принудилъ меня искать уединенїя. Я вошла въ небольшой лѣсокъ и прошла ужѐ онымъ нѣсколько дорóгъ, какъ Исаакъ-Миръ, котораго я еще не знала кто онъ таковъ былъ, подошелъ ко мнѣ весьма съ беспокойнымъ видомъ; я признала въ то время мое неразумїе и хотѣла избѣжать зрѣнїя сего человѣка, закрывшись моимъ покрываломъ, какъ увидѣла его стоящаго на колѣняхъ объявлять мнѣ свою любовь весьма новымъ для меня изъясненїемъ. Я сперва отгоняла его отъ себя, не давъ ему о себѣ знать; но какъ онъ слѣдовалъ всюду за мною, то я неме-

для ни мало, объявила ему о себѣ, кто я такова̀. Я думала чрезъ то избавиться его беспокойства, но что мнѣ было дѣлать, какъ сей грубїанъ сказалъ мнѣ! Я знаю, милостивая государыня, что я говорю Принцессѣ Саче-Карѣ, и вѣдаю, какая есть между нами великая разность, но любовь моя гораздо сильняе, нежели всѣ разсужденїя, которыя употреблялъ я для утушенїя оной: согласитесь добровольно, милостивая государыня, продолжалъ онъ безстыднымъ образомъ, соединить вашу судьбу съ моею, потому что всѣ державы въ свѣтѣ не могутъ ужѐ тому воспрепятствовать.

Я отъ сихъ угрозъ вся оцѣпенѣла: но сколько Дубанино покрывало ядомъ напоено ни было, однако

нако видно, что оно желаемаго успѣха не имѣло: я не могла снести дерзновенія сего жида: нещастной, сказала я ему, громкимъ и весьма сердитымъ голосомъ, кто бы ты таковъ ни былъ, убѣгай отъ моихъ глазъ, естьли ты не хочешь получить достойной ка́зни.

Исаакъ-Миръ удивился моей крѣпости, съ которою ему я говорила: онъ оставилъ меня весь задрожавъ, и пошелъ сказывать волшебницѣ о маломъ его успѣхѣ.

Я въ сіе время углубилась въ моихъ мысляхъ и не могла еще совершенно опамятоваться, какъ Сидгима, одна изъ моихъ дѣвицъ, прибѣжала ко мнѣ съ великимъ поспѣшеніемъ: Ахъ! милостивая государыня, говорила она мнѣ въ

превеликомъ ужасѣ, въ какое зашли мы сюда мѣсто? Славная волшебница, здѣшняя хозяйка, жестоко обманула насъ внѣшнимъ своимъ смиренiемъ и добродѣтелью, которыя моглибъ ослѣпить и весь свѣтъ. Сiя проклятая обманщица злоумышляетъ противъ вашей чести; я сидѣла позади густаго розоваго куста, и видѣла, что подошелъ къ ней одинъ человѣкъ въ великомъ безпорядкѣ и шепталъ съ нею на-ухо. Дубана нѣсколько времени подумавъ сказала ему: не беспокойся о Принцессиномъ сопротивленiи, я скоро предамъ ея въ твои руки; берегись только одного: отсюда одна четверть мили до жилища Фарнасова, прозываемаго духъ разсужденiя, не допускай, чтобъ Принцесса обратила свой путь къ его дому, вся

моя

моя власть будетъ недѣйствительна, какъ скоро на оную дорогу ступятъ: и намъ обѣимъ во весь нашъ вѣкъ раскаяваться будетъ, что мы предпріяли такое дѣло: поди же поскоряе къ Саче-Карѣ, и не отходи отъ нея, пока я къ вамъ не приду, а между тѣмъ я постараюсь здѣлать что надобно для униженія толь гордаго духа: Ахъ! побѣжимъ скоряе, любезная моя Сидгима, вскричала я, я вся отъ страху дрожу, удалимся, естьли возможно, отъ опаснаго сего жилища, и пойдемъ тотчасъ искать покровительства Фарнасова.

Два молодые оленя испужавшіеся крику охотниковъ, не такъ скоро могли бѣжать, какъ мы тогда. По щастію нашему нашли мы въ саду отвореную калиточку, изъ

которой выходъ былъ въ поле наполненное шиповникомъ и терновникомъ, и въ иныхъ мѣстахъ проходъ столь былъ узокъ, что мы изцарапали у себя лицо и руки. Сїе помѣшательство намъ ни во что казалось; мы продирались сквозь тысячу иглами наполненныхъ кустовъ, которые всѣхъ насъ въ кровь искололи, и скоро увидѣли весьма маленькой и самой древней домикъ, которой почла я, въ разсужденїи такой претрудной дороги за Фирнасово жилище. Намъ ужѐ до онаго дойти оставалось только нѣсколько шаговъ, какъ проклятая волшебница, здѣлавъ его намъ тотчасъ невидимымъ, представила нашимъ глазамъ широкую рѣку, которая загородила намъ проходъ. Я сперва остановилась, но желая лучше умереть,

нежели

нежели отдаться подъ власть Дубаны, ухвативъ Сидгиму за́-руку бросилась было съ нею въ сїю рѣку, какъ почувствовала, что ухватили меня за платье: напрасно ты у-бѣгаешь, сказала мнѣ тогда злая волшебница, я тотчасъ приведу тебя подъ мою власть. Я тщетно старалась, государыня моя, умилостивить ея моими слезами и прошенїемъ, проклятой жидъ, которой былъ съ нею вмѣстѣ, сказалъ мнѣ, что ничто не можетъ отвратить отъ принятаго его намѣренїя, и опять повели насъ Сидгиму и меня съ угрозами къ розовому источнику, какъ соловей пролетѣвъ мимо моего плеча, уронилъ мнѣ на грудь золотое кольцо.

Я почла сїе кольцо за божественную помощь, надѣла его тот-

тотчасъ на палецъ, и какъ скоро лишъ начала̀ призывать на помощь Фарнаса, то Лубана и жидъ упали навзничь; рѣка, которая мѣшала намъ пройти въ домъ духовъ, вдругъ пропала, и я не видала ужѐ у себя на головѣ опаснаго волшебницына покрывала.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

